

Н. В. Шелгуновъ въ ссылкѣ.

(По неизданнымъ источникамъ.)

Эпоха шестидесятыхъ годовъ выдвинула цѣлый рядъ крупныхъ и блестящихъ дѣятелей какъ въ области общественной жизни, такъ и въ области литературы и журналистики. Въ большинствѣ случаевъ это были не только выдающіеся таланты, не только сильные умы, но и замѣчательные характеры. Это были цѣльные, послѣдовательные люди, глубоко проникнутые сознаніемъ гражданского долга передъ страной и народомъ, чуждые рефлексіи и россійской дряблости,—борцы, у которыхъ слово не расходилось съ дѣломъ.

Свои взгляды и убѣжденія они смѣло проводили въ жизнь, игнорируя опасности, угрожавшія имъ со всѣхъ сторонъ. Они прямо смотрѣли въ глаза своимъ врагамъ и во имя идей, которыя считали правыми, не колеблясь жертвовали всѣмъ тѣмъ, за что такъ жадно цѣпляются обыкновенные, рядовые, средніе люди. Самыя мрачныя перспективы, вродѣ крѣпости, ссылки, каторги, не пугали ихъ.

Я не буду называть здѣсь, не буду перечислять этихъ именъ, такъ какъ они слишкомъ хорошо известны и памятны русскому обществу. Среди этихъ именъ, среди этихъ лицъ Николай Васильевичъ Шелгуновъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Заслуги Шелгунова въ дѣлѣ развитія русского общественного сознанія давно уже оцѣнены и русской печатью и русской интеллигентіей. Для этого, между прочимъ, немало было сдѣлано покойнымъ Н. К. Михайловскимъ, который хорошо и близко зналъ Шелгунова и въ теченіе многихъ лѣтъ находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ и вступительныхъ статьяхъ къ сочиненіямъ Шелгунова, Михайловскій далъ подробную характеристику Николая Васильевича какъ писателя и общественного дѣятеля и въ то же время со свойственнымъ ему мастерствомъ и талантомъ нарисовалъ нравственный обликъ своего друга.

Но Михайловскій просто въ силу цenzурныхъ условій того времени
книга и, 1910 г.

самъ не имѣлъ возможности не только освѣтить и выяснить біографію Шелгунова, но даже затронуть наиболѣе интересныя стороны его жизни. Онъ не могъ коснуться тѣхъ преслѣдованій, которыя въ такомъ изобилии сыпались на Николая Васильевича въ теченіе долгихъ лѣтъ и благодаря которымъ вся его жизнь, начиная съ 1862 года, сложилась въ высшей степени неблагопріятно. Въ силу необходимости Михайловскій принужденъ былъ въ своемъ очеркѣ ограничиться лишь туманными намеками на тѣ „житейскія бури“ и „жесточайшіе удары“, которые приходилось испытывать и переживать Шелгунову. Но въ чёмъ собственно состояли эти „бури“, эти „жесточайшіе удары“,—Михайловскій не говорить ни слова.

Когда въ послѣдніе годы цензурныя рамки нѣсколько развинулись, въ печати появились сообщенія, пролившія нѣкоторый свѣтъ на эти стороны біографіи Николая Васильевича. Появились свѣдѣнія, знакомившія съ исторіей, вызвавшей арестъ Шелгунова и заключенія его въ Петропавловской крѣпости. Но до самаго послѣдняго времени не было никакихъ извѣстій объ условіяхъ жизни Н. В. въ ссылкѣ. Между тѣмъ въ качествѣ административнаго ссылочнаго Шелгунову пришлось провести долгіе годы въ разныхъ захолустьяхъ Россіи, вродѣ Тотъмы, Устюга, Никольска, Кадникова и т. д. Въ виду этого представляется нѣтолько интереснымъ, но и существенно важнымъ познакомиться съ этимъ періодомъ жизни выдающагося дѣятеля. Далѣе мы укажемъ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ такое знакомство, даже помимо личности Шелгунова, имѣтъ несомнѣнно общий интересъ, крупное общественное значеніе.

Для читателей же *Русской Мысли* Шелгуновъ особенно близокъ и дорогъ, такъ какъ именно въ этомъ журналь въ теченіе ряда лѣтъ, начиная съ 1885 года и до самой смерти Николая Васильевича¹), печатались его знаменитые „Очерки русской жизни“, вызывавшіе постоянно живой и горячій интересъ въ обществѣ и печати.

Особенно громкій успѣхъ эти „Очерки“ имѣли среди молодежи и среди широкихъ слоевъ демократически настроенаго населенія. И хотя имя Н. В. Шелгунова всегда пользовалось уваженіемъ въ передовыхъ кругахъ русского общества, но его „Очерки русской жизни“ завоевали ему особенно глубокія симпатіи и популярность.

I.

ВЪ КРѢПОСТИ.

Судьба Шелгунова одно время тѣсно переплетается съ судьбой другого крупнаго дѣятеля шестидесятыхъ годовъ, поэта и публициста, про-

¹⁾ Шелгуновъ умеръ 12 апрѣля 1891 г.

повѣдника женской эмансипаціи, Михаила Иларіоновича Михайлова. Въ виду того, что первые „жесточайшіе удары“, обрушившіеся на голову Николая Васильевича, находятся въ прямой и тѣсной связи съ его знакомствомъ съ М. И. Михайловымъ, намъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, которыхъ существовали между этими двумя представителями русской общественной мысли того времени.

Шелгунова и его жену соединяла съ Михайловымъ давнишняя и тѣсная дружба, вытекавшая прежде всего изъ полной солидарности ихъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ и стремлений. Всѣ трое переживали одни и тѣ же настроенія; у всѣхъ троихъ была одна вѣра, одни идеалы, они молились однимъ богамъ. Но еще важнѣе было то, что всѣ трое признавали одни и тѣ же средства, вѣрили въ одни и тѣ же пути для достижения завѣтныхъ цѣлей и идеаловъ. И хотя эти пути были и тернисты, и рискованы, и обставлена всевозможными опасностями, но все это нимало не пугало ихъ, нимало не расхолаживало ихъ горячаго энтузіазма. Можно думать, что сознаніе неизбѣжности этихъ опасностей на избранномъ пути еще прочнѣе и крѣпче сковывало ихъ чувство взаимной дружбы и уваженія.

И когда Михайлова, осужденнаго, „лишеннаго всѣхъ правъ“, съ обритой головой и закованнаго въ кандалы, жандармы повезли въ далекую Сибирь, „въ мракъ и холодъ рудника“,—Шелгуновы, не задумываясь, бросаются Петербургъ и все, что тамъ привязывало ихъ, и направляются вслѣдъ за близкимъ ихъ сердцу изгнаникомъ.

Затѣмъ, съ какой цѣлью?

На этотъ вопросъ недавно былъ данъ въ печати вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Отправляясь въ Сибирь, къ Михайлова, Шелгуновы имѣли цѣлью освободить его, чтобы затѣмъ всѣмъ троимъ бѣжать за границу. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ г-жа Дубровина въ своей статьѣ, посвященной памяти М. И. Михайлова ¹⁾.

М. К. Лемкѣ, приводя въ своемъ очеркѣ судебнаго процесса Михайлова ²⁾ это утвержденіе, принимаетъ его за чистую монету, вполнѣ соглашается съ нимъ и ни единствомъ словомъ не выражаетъ сомнѣнія въ точности и справедливости увѣренія г-жи Дубровиной, хотя съ ея стороны не было представлено рѣшительно никакихъ доказательствъ, которыя подкрѣпляли бы ея голословное утвержденіе. Быть можетъ, въ распоряженіи г. Лемкѣ имѣются какія-нибудь другія данныя, доказывающія справедливость заявлений г-жи Дубровиной,—въ такомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобы онъ опубликовалъ ихъ.

1) *Бесѣда*, 1905 г., № 12.

2) „Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевскаго. Спб., 1907 г., стр. 84.

По нашему мнѣнію, утвержденіе г-жи Дубровиной является лишь простой догадкой, пока ровно ничѣмъ не подкрепленной; по обстоятельствамъ дѣла догадка эта представляется въ значительной степени довольно-таки фантастической. Со своей стороны мы думаемъ, что, отправляясь въ Сибирь, къ Михайлову, Шелгуновы прежде всего руководствовались влечениемъ дружбы и естественнымъ чувствомъ признательности къ человѣку, который великодушно и самоотверженно принялъ на себя вину одного изъ нихъ и затѣмъ сдѣлалъ со своей стороны все для того, чтобы избавить ихъ отъ всякой ответственности въ дѣлѣ распространенія прокламацій, т.-е. въ томъ дѣлѣ, за которое онъ такъ жестоко пострадалъ.

Они сдѣшили по возможности облегчить тяжелую участъ, которая ожидала ихъ друга на каторгѣ, особенно на первыхъ порахъ, желали хоть сколько-нибудь скрасить существованіе больного, измученного крѣпостью близкаго имъ человѣка, столь явно доказавшаго имъ свою привязанность, свое расположеніе.

Если бы мысль объ эмиграціи дѣйствительно занимала Шелгунова, то, конечно, онъ вспомнилъ бы о ней и навѣрное попытался бы осуществить ее, находясь въ ссылкѣ, въ глухи Вологодской губерніи, гдѣ онъ—какъ мы сейчасъ увидимъ—страшилъ томился долгіе годы. Однако, сколько намъ известно, нѣть никакихъ указаний, которыя бы давали право думать, что Шелгуновъ когда-либо лелѣялъ планы относительно оставленія Россіи и бѣгства за границу.

Какъ бы то ни было, но Шелгуновы помчались вслѣдъ за своимъ опальнымъ другомъ въ тундры холодной Сибири, въ далекое Забайкалье, захвативъ съ собой своего ребенка, маленькаго Мишу. Съ ихъ стороны это было вызывающе смѣло. Можно даже сказать, что это былъ поступокъ „безумно храбрый“. И дѣйствительно, они жестоко поплатились за свой благородный порывъ.

Михайловъ жилъ въ Нерчинскомъ округѣ, на Казаковскомъ промыслѣ, на которомъ служилъ его родной братъ, горный инженеръ П. И. Михайловъ. Здѣсь Шелгуновы спокойно прожили два мѣсяца, находясь почти все время въ обществѣ своего петербургскаго друга. Но затѣмъ послѣдовалъ приказъ изъ Петербурга объ арестѣ полковника Шелгунова и его жены. Послѣ ареста они были перевезены въ Иркутскъ, откуда Николая Васильевича съ жандармами отправили въ Петербургъ.

По приѣздѣ туда, онъ былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, въ которомъ ему и пришлось просидѣть въ одиночномъ заключеніи годъ и семь съ половиной мѣсяцевъ. Какъ онъ перенесъ столь продолжительное заточеніе? Какъ отразилось оно на его здоровьѣ и психикѣ?

Тюрьма вліяетъ различно на различныхъ людей. Есть люди, которые

сравнительно легко переносять и лишение свободы, и одиночное заключение, и тяжелые условия тюремного режима,—особенно въ молодости. Я зналъ одного очень деятельного и энергичного человѣка,—получившаго впослѣдствии почетную извѣстность,—который, просидѣвъ два-три мѣсяца въ заключеніи, вышелъ оттуда замѣтно пополнѣвшимъ и даже какъ будто поздоровѣвшимъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ представлялъ изъ себя до заключенія въ тюрьму. На мой вопросъ по этому поводу онъ отвѣчалъ приблизительно такъ:

— Дѣйствительно, я поправился за время моего сидѣнія въ тюрьмѣ; я объясняю это тѣмъ, что на свободѣ мнѣ все время приходилось постоянно бѣгать и мыкаться по разнымъ дѣламъ, „безъ отдыха и срока“; въ тюрьмѣ же я, конечно, сидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Обложился книгами, очень много читалъ по вопросамъ, меня интересующимъ; могу сказать, что увлекался чтеніемъ, и такимъ образомъ чувствовалъ себя недурно, забывая подчасъ, что сижу въ четырехъ стѣнахъ“.

Но подобные случаи, конечно, въ высшей степени рѣдки; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ тюрьма и одиночное заключеніе оказываются разрушающее вліяніе какъ на здоровье заключенныхъ, такъ и на ихъ психику. Наконецъ, есть организмы, которые прямо не въ состояніи переносить даже кратковременнаго заключенія. На такихъ лицъ даже два-три мѣсяца тюрьмы отзываются самымъ гибельнымъ образомъ и нерѣдко влекутъ за собой роковыя послѣдствія. Необходимо признать, что тюремный режимъ началася 60-хъ годовъ былъ гораздо слабѣе и легче для заключенныхъ, чѣмъ двадцать лѣтъ спустя; не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ 80-хъ годовъ условія заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, какъ видно изъ описаній П. С. Поливанова и М. Ф. Фроленка, были значительно суроѣе, чѣмъ въ „эпоху великихъ реформъ“.

Въ то время, т.е. въ 60-хъ годахъ, на пищу и чай заключеннымъ отпускалось по 50 копеекъ въ день на человѣка. Обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники давалось что-нибудь сладкое, а въ царскіе дни еще и по стакану винограднаго вина. Утромъ и вечеромъ подавался чай съ французской булкой. Бѣлье мынялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ, топилась два раза въ мѣсяцъ. Заключенные пользовались крѣпостной библиотекой, состоявшей изъ книгъ на русскомъ, французскомъ и немецкомъ языкахъ. Затѣмъ каждому заключенному выдавались письменные принадлежности и бумага ¹⁾.

Сидя въ равелинѣ, Шелгуновъ могъ заниматься литературными ра-

1) „Алексѣевскій равелинъ въ 1861—65 гг.“. И. Борисова. *Русская Старина*, 1901 г., № 12, стр. 576.

ботами и переводами, могъ получать съ воли книги и даже новыя, только что вышедшия книжки журналовъ. Онъ писалъ тогда журнальныя статьи для *Русского Слова*, издававшагося въ то время Благосвѣтловымъ, и хотя статьи эти должны были проходить цензуру коменданта и даже III отдѣленія, тѣмъ не менѣе онъ не терпѣли отъ этого особеннаго урона. Обыкновенная, спедицальная цензура постоянно оказывалась гораздо строже и придиличнѣе цензуры крѣпостной и даже жандармской. Письма Шелгунова изъ крѣпости къ женѣ переполнены жалобами именно на эту цензуру.

Но казематъ всетаки остается казематомъ, и продолжительное заключеніе въ Алексѣевскомъ равелинѣ не могло, разумѣется, не отразиться на здоровьѣ и самочувствіи Николая Васильевича самымъ тяжелымъ образомъ. Въ письмахъ его къ женѣ изъ Петропавловской крѣпости встрѣчаются указанія на нездоровье и нервное разстройство, вызванныя, конечно, тюремнымъ заключеніемъ.

„Нервы, мои нервы сильно ослабѣли,—пишетъ онъ женѣ 16 февраля 1864 года,—придется цѣлый годъ лѣчиться“... Спустя нѣсколько дней послѣ этого онъ пишетъ: „Чувствую грудную боль. Думаю, это оттого, что нѣсколько дней сряду я былъ въ очень раздраженномъ состояніи, а вчера такъ рѣшительно былъ со мной какой-то нервный припадокъ“.

Позднѣе, уже находясь въ ссылкѣ, Николай Васильевичъ болѣе откровенно писалъ своей женѣ о вліяніи, какое произвело на него заключеніе въ равелинѣ. „Ты бы меня совсѣмъ не узнала,—писалъ онъ изъ Устюга,—такой я спокойный, кроткій и тихій—точно и не я, а *всему причиной продолжительное заключеніе*, которое совсѣмъ измѣнило меня, т.-е. разбило и обезсилило, такъ что вышелъ изъ меня почти весь пе-рецъ“...

И наконецъ изъ Никольска въ 1866 году онъ писалъ женѣ: „Не забывай того, что крѣпость унесла у меня на 10 лѣтъ силы и здравья“ ¹⁾.

Въ чёмъ же состояли обвиненія, возведенные на человѣка, котораго такъ жестоко карали?

II.

Административная ссылка.

Генераль-аудиторіатъ, „разсмотрѣвъ военносудное дѣло объ отставномъ полковникѣ корпуса лѣсничихъ Николаѣ Васильевичѣ Шелгуновѣ“, нашелъ его виновнымъ въ цѣломъ рядѣ очень серьезныхъ, очень важныхъ преступлений. Судите сами.

¹⁾ Л. П. Шелгунова: „Изъ далекаго прошлаго“. Спб., 1901 г., стр. 193.

Во-первыхъ, оказалось, что „Шелгуновъ находился въ дружескихъ отношенияхъ съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ“. Во-вторыхъ, онъ оказался виновнымъ въ томъ, что „вель переписку съ разжалованнымъ изъ отставныхъ корнетовъ въ рядовые Всеволодомъ Костомаровыемъ“. И, наконецъ, въ-третьихъ,—въ томъ, что онъ составилъ „не пропущенную цензурою статью, доказывающую вредный образъ его мыслей“. Вотъ и все.

Но этого оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы генераль-аудиторіатъ, „примѣняясь къ 32 ст. Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ, рѣшеніемъ положилъ: лишивъ Шелгунова правъ на пенсію и ношеніе въ отставкѣ мундира, отослать на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, подчинивъ его на мѣстѣ жительства строгому полицейскому надзору“.

Рѣшеніе это было Высочайше конфирмовано 26 октября 1864 года. Вслѣдъ за этимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ назначилъ Н. В. Шелгунову мѣстомъ ссылки Вологодскую губернію, о чмъ и сообщиль петербургскому военному генераль-губернатору и вологодскому губернатору „для зависящихъ распоряженій“. Въ свою очередь петербургскій военный генераль-губернаторъ обратился къ петербургскому оберъ-полицеймейстеру съ просьбой привести въ исполненіе рѣшеніе генераль-аудиторіата о ссылкѣ въ Вологодскую губернію „находившагося подъ военнымъ судомъ при с.-петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ отставного полковника Шелгунова“.

Когда нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого Шелгуновъ, истомившись въ ссылкѣ, рѣшилъ хлопотать передъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловыемъ о своемъ освобожденіи, то онъ составилъ для жены подробное наставленіе о томъ, что она должна высказать шефу въ отвѣтъ на тѣ обвиненія, которыя были выдвинуты противъ него. Это наставленіе такъ основательно разбиваетъ введенныя на Шелгунова курьезныя обвиненія, что мы находимъ интереснымъ привести его здѣсь цѣлкомъ. Шелгуновъ писалъ тогда: „Генераль-аудиторіатъ обвинилъ меня:

„1) Въ сношеніи съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ. Но я былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, т.-е. яснѣ видѣлся и въ Петербургѣ, съ разрѣшенія князя Суворова; въ Сибири видѣлся тоже съ разрѣшенія начальства. Отчего же дозволенное въ Петербургѣ не дозволено въ Сибири?

„2) Что „вель переписку съ разжалованнымъ рядовымъ В. Костомаровыемъ“. Но, во-первыхъ, переписку съ рядовыми у насъ не запрещено вести; а во-вторыхъ, я никогда не вель переписки съ рядовымъ Костомаровыемъ, а писалъ къ нему всего одно письмо изъ Наугайма,

когда Костомаровъ былъ еще офицеромъ. Пусть спрявятся въ дѣлѣ, Тутъ очевидная ошибка.

„3) Что „имѣю вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенной цензурою статьей“. Самъ по себѣ образъ мыслей, не проявляющійся никакимъ видимымъ актомъ, не можетъ составлять вины; а если обвинять за статьи непцензурные, то есть ли хотя одинъ литераторъ, статьи которого не запрещались бы иногда цензурой? Вотъ, если бы статья явилась въ печати, дѣло другое. Да и то, при существовали цензуры, виноватъ не авторъ“.

Николай Васильевичъ былъ совершенно правъ, конечно, считая всѣ эти „обвинительные пункты“ чистымъ недоразумѣніемъ. „Если бы меня судили гласнымъ судомъ,—писалъ онъ, то разумѣется меня бы оправдали“. Онъ находилъ, что „приговоръ генераль-аудиторіата заключается въ себѣ преувеличенную строгость и вовсе не примѣняется къ 32 ст. дисциплинарныхъ взысканій, на которой онъ основанъ“.

Но мы забѣжали нѣсколько впередъ, а потому позвольте вернуться къ прерванному разсказу. Въ концѣ ноября 1864 г. Николай Васильевичъ получилъ, наконецъ, возможность покинуть ненавистный равелинъ: онъ былъ переведенъ изъ крѣпости на сенатскую гауптвахту. Отсюда, 26 ноября, онъ извѣщаетъ свою жену о предстоящей ему ссылкѣ слѣдующей запиской: „Никогда, милый другъ, не укладывался я въ дорогу съ такими мрачными мыслями, какъ вчера. Ёду въ Вологодскую губернію. Когда—не знаю, но въ путь совсѣмъ готовъ“. Затѣмъ въ запискѣ отъ 2 декабря онъ пишетъ: „Завтра съ машиной ёду въ Вологду, но въ какомъ городѣ буду жить, еще не знаю“...

2 декабря 1864 г. петербургскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ-лейтенантъ Анненковъ при бумагѣ за № 9638 отправляетъ Н. В. Шелгунова къ вологодскому губернатору „на зависящее распоряженіе, подъ присмотромъ рядового с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона Самсона Яковлева“. При этомъ оберъ-полицеймейстеръ просить губернатора „въ исправномъ доставленіи къ нему г. Шелгунова приказать выдать жандарму надлежащую квитанцію“. Изъ бумаги видно, что Николай Васильевичъ былъ отправленъ изъ Петербурга съ жандармомъ на собственный счетъ. А вотъ и самая квитанція, которая была выдана губернаторомъ конвоири.

„Квитанція.

„Дана с.-петербургскаго жандармскаго дивизіона рядовому Самсону Яковлеву въ томъ, что въ сопровождѣніи его отставной полковникъ корпуса лѣсничихъ Николай Шелгуновъ, высланный изъ С.-Петербурга подъ надзоръ полиціи въ Вологодскую губернію, въ г. Вологду доставленъ 6 сего декабря.—Вологда, декабря 7-го дня 1864 года. Вологодскій губернаторъ свиты Его Величества генералъ-майоръ Хоминскій“.

Съ этого момента Н. В. Шелгуновъ становится административнымъ ссыльнымъ. Ось выпѣль изъ равелина только для того, чтобы сейчасъ же почасть въ глушь и дебри Вологодской губерніи.

Познакомиться съ условіями жизни Н. В. Шелгунова въ ссылкѣ представляется особенно интереснымъ и ноучительнымъ въ виду того, что въ 60-хъ годахъ очень многіе русскіе писатели находились въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось жить Шелгунову въ Вологодской губерніи, т.е. въ положеніи политическихъ ссыльныхъ. Въ наши съверные губерніи, главнымъ образомъ въ Вологодскую, Архангельскую, Олонецкую и Вятскую, какъ въ 60-хъ годахъ, такъ и позднѣе, высылались административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи многіе представители нашей литературы и журналистики, провинившіеся въ чѣмъ-нибудь противъ бюрократического, приказнаго строя. Здѣсь они приуждены были долгіе годы прозябать въ разныхъ глухихъ захолустьяхъ, вродѣ Шенкурска, Тотъмы, Пинеги, Кадникова и т. д., подъ надзоромъ уѣздныхъ исправниковъ, нерѣдко невѣжественныхъ и грубыхъ.

Въ числѣ политическихъ ссыльныхъ, находившихся подъ надзоромъ полиціи въ съверныхъ губерніяхъ въ теченіе 60-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ слѣдующихъ писателей: А. И. Левитовъ (Шенкурскъ и Вологда), П. Н. Рыбниковъ (Петрозаводскъ), П. С. Ефименко (Онега и Холмогоры), П. П. Чубинскій (Пинега и Архангельскъ), П. Л. Лавровъ-Миртовъ (Тотъма и Кадниковъ), А. И. Стронинъ (Мезень, Пинега и Шенкурскъ), С. С. Шашковъ (Шенкурскъ), Ф. Ф. Павленковъ (Вятка и Яранскъ), Д. К. Гирсъ (Тотъма), Н. М. Ядринцевъ (Шенкурскъ), Н. В. Альбертини (Архангельскъ и Шенкурскъ), А. Х. Христофоровъ (Пинега и Шенкурскъ), Н. В. Соколовъ (Мезень и Шенкурскъ), Г. Н. Потанинъ (Никольскъ), сибирскій историкъ Н. С. Щукинъ (Пинега), Лаврскій (Никольскъ), В. В. Берви - Флеровскій (Вологда, Архангельскъ, Шенкурскъ) и т. д.

Каково было положеніе писателей въ административной ссылкѣ?

Безъ сомнѣнія, въ разное время оно было очень различно. Сначала, въ давнишнія времена, оно было сносно и даже, можно сказать, недурно. Во времена Николая Павловича ссыльнымъ писателямъ предоставлялась возможность поступать на государственную службу, занимать извѣстныя должности, иногда весьма отвѣтственные. Герценъ, будучи въ ссылкѣ въ Вяткѣ и затѣмъ во Владимірѣ (1835—1839 г.) служилъ сначала „переводчикомъ губернскаго правленія“, потомъ завѣдывалъ статистическимъ комитетомъ и редакціей *Губернскихъ Вѣдомостей*. Наконецъ, въ Новгородѣ (1841—1842 г.) онъ служилъ уже совѣтникомъ губернскаго правленія.

Салтыковъ-Щедринъ, живя въ ссылкѣ въ г. Вяткѣ (1849—1855 г.), былъ сначала причисленъ къ губернскому правленію, затѣмъ назначенъ

чиновникомъ особыхъ поручений при губернаторѣ и, наконецъ, советникомъ губернского правленія. Конечно, государственная служба въ николаевскія времена, построенная на взяточничествѣ и низкопоклонствѣ, не могла не причинять тяжелыхъ нравственныхъ страданій людямъ развитымъ, честнымъ и дорожившимъ своей независимостью. Но, съ другой стороны, попавшій въ ссылку писатель, поступая на службу, переставалъ быть паріей, отверженцемъ, входилъ въ общество, какъ полноправный членъ, получалъ возможность встрѣчаться съ людьми различныхъ положеній и могъ такъ или иначе принимать участіе въ мѣстной жизни, вліять на нее.

При Александрѣ II въ первое время политические ссылочные также довольно часто опредѣлялись на государственную службу. Когда въ 1859 г. былъ сосланъ въ Петрозаводскъ П. Н. Рыбниковъ, олонецкій губернаторъ немедленно же предоставилъ ему службу, которая пошла у него довольно успѣшно. Въ 60-хъ годахъ продолжалась та же политика по отношенію къ политическимъ ссылочнымъ.

Такъ, П. С. Ефименко, живя въ ссылкѣ въ г. Онегѣ, служилъ дворянскимъ засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ. А. И. Стронинъ, находясь въ ссылкѣ въ г. Шенкурскѣ, служилъ уѣзднымъ судьей. П. П. Чубинскій, состоя подъ надзоромъ полиціи въ г. Архангельскѣ, служилъ чиновникомъ особыхъ поручений при губернаторѣ, редакторомъ *Губернскихъ Вѣдомостей* и секретаремъ статистического комитета, и т. д.

Подобные факты доказываютъ, что въ то время администрація не ставила еще себѣ цѣлью окружать „политически неблагонадежнаго“ такими условіями, при которыхъ онъ былъ бы лишенъ всякой возможности имѣть какое-либо общеніе, какія-либо сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Вообще въ то время администрація не стремилась еще къ тому, чтобы отнять у политического ссылочнаго всякую возможность работать и трудиться, и такимъ образомъ не обрекала его и его семью на полу-голодное существование, со всѣми его ужасами.

Но постепенно, подъ вліяніемъ все возраставшей реакціи, условія административной ссылки измѣняются къ худшему. Въ концѣ 60-хъ годовъ мы уже почти не встрѣчаемъ ссылочныхъ на государственной службѣ. Въ то же время надзоръ полиціи за политическими ссылочными становится все строже и назойливѣе. Они лишаются права не только общественной, но и частной службы. Они не имѣютъ права давать уроковъ и вообще заниматься педагогической дѣятельностью; не могутъ заниматься и частной адвокатурой.

Врачи, попадавшіе въ административную ссылку, нерѣдко лишались права медицинской практики. Всякія занятія, соединенные съ разѣзданіями, безусловно воспрещались административнымъ ссылочнымъ, такъ какъ по правиламъ они не имѣли права пересходить „за городскую черту“.

Занятія литературою были въ высшей степени стѣснены главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что вся переписка ссыльного, въ томъ числѣ и газетныя и журнальныя статьи неизбѣжно должны были проходить черезъ цензуру уѣзднаго исправника, часто совершенно невѣжественнаго человѣка, пугавшагося словъ „политическій“, „соціальный“ и т. п.

III.

„Пересылающіе арестантъ“.

По доставленіи въ Вологду, Николай Васильевичъ былъ помѣщенъ въ 3-й полицейской части, находящейся на Архангельской улицѣ. Въ этой части была особая комната, въ которую обыкновенно помѣщали пересылавшихся политическихъ ссыльныхъ. Собственно говоря, въ распоряженіе ссыльныхъ предоставлялась не вся комната, а лишь часть ея, которая была отгорожена нѣсколькими огромными канцелярскими шкафами. За этими шкафами стоялъ длинный диванъ, обитый черной kleenкой, какіе обыкновенно встрѣчаются на почтовыхъ станціяхъ; этотъ диванъ и служилъ кроватью для политическихъ ссыльныхъ ¹⁾.

Губернаторъ Хоминскій вообще относился къ политическимъ ссыльнымъ довольно мягко и обыкновенно не отказывалъ имъ въ тѣхъ небольшихъ облегченіяхъ, которыя были въ его власти. По полученіи бумаги петербургскаго оберъ-полицеймейстера о ссылкѣ Шелгунова въ Вологодскую губернію, Хоминскій положилъ на ней резолюцію: „отправить въ г. Устюгъ“. Такъ какъ Устюгъ считается самымъ большимъ и безспорно самымъ лучшимъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи, то, назначая туда Шелгунова, губернаторъ этимъ самымъ видимо желалъ поставить новаго ссыльного въ возможно болѣе благопріятныя условія.

Но Устюгъ испугалъ Николая Васильевича своей отдаленностью, о чёмъ онъ и заявилъ губернатору. Тогда онъ былъ назначенъ въ городъ Тотьму. Объ этомъ тогда же, 7-го декабря сообщается въ управлѣніе вологодскаго жандармскаго штабъ-офицера съ просьбою „командировать въ канцелярію начальника губерніи завтрашняго дня, въ часъ пополудни, одного жандарма для сопровожденія г. Шелгунова къ мѣсту назначенія“. Одновременно съ этимъ пишется предложеніе исправляющему должностъ вологодскаго полицеймейстера „сдѣлать распоряженіе о командированіи одного изъ помощниковъ городскихъ приставовъ для наблюденія за отправленіемъ завтрашняго дня въ часъ пополудни находящагося въ г. Вологдѣ, въ помѣщеніи при 3-й части отставнаго полковника Николая Шелгунова на жительство въ г. Тотьму“.

1) Пишу эти строки по личнымъ воспоминаніямъ, такъ какъ въ началѣ 70-хъ гг. мнѣ приходилось не разъ сидѣть за этими шкафами.

Наканунѣ отѣзда изъ Вологды, 7 декабря, Шелгуновъ пишетъ женѣ: „Послѣ разныхъ треволненій я приближаюсь, наконецъ, къ пристани. Пристанью этой будетъ служить для меня Тотьма—городъ, лежащій отъ Вологды въ 200 верстахъ. Удобства Тотьмы въ томъ, что сообщеніе съ нею неособенно затруднительно, такъ что если ты вздумаешь пріѣхать ко мнѣ погостить, то и при своей инвалидности ¹⁾ одолѣешь путь легко“. Послѣднія строчки вполнѣ разъясняютъ, почему именно Шелгуновъ отказался отъ лучшаго въ губерніи уѣзднаго города и предпочелъ отправиться въ одинъ изъ наиболѣе глухихъ городковъ—Тотьму.

8 декабря Николай Васильевичъ выѣхалъ въ г. Тотьму на парѣ лошадей, въ сопровожденіи жандарма, которому дана была бумага губернатора на имя тотемскаго исправника. Въ этой бумагѣ сначала излагались уже знакомыя намъ причины ссылки Шелгунова, а затѣмъ губернаторъ писалъ: „Препровождая при семъ высланнаго изъ С.-Петербурга, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, на жительство во ввѣренную мнѣ губернію означеннаго полковника Шелгунова, подъ при-смотромъ жандарма, предписываю вашему высокоблагородію по прибы-тии его въ г. Тотьму учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ, согласно данныхъ вами инструкцій о надзорѣ за политическими ссыль-ными, и выдавать конвойному въ пріемѣ г. Шелгунова квитанцію, доне-сти мнѣ о лѣтахъ его, мѣстѣ родины и семействѣ“.

Путь отъ Вологды до Тотьмы Николай Васильевичъ принужденъ былъ также сдѣлать на собственный счетъ, при чемъ ему пришлось уплатить и за обратный путь своего спутника-жандарма. Въ виду не-сомнѣннаго интереса, который представляетъ инструкція, данная жандарму, сопровождавшему Шелгунова, мы приводимъ ее здѣсь цѣли-комъ, безъ всякихъ измѣненій.

„Вологодской жандармской команды рядовому Федосею Коломазову.

Приказъ.

„Командируя тебя для сопровожденія отставнаго полковника Нико-лая Шелгунова, приказываю слѣдовать съ нимъ почтовымъ трактомъ, по выданной подорожной въ г. Тотьму, гдѣ и представить его въ та-мощнее уѣздное полицейское управлѣніе и, получивъ въ пріемѣ г. Шел-гунова квитанцію, немедленно сюда возвратиться. Бхать ты долженъ только прямымъ почтовымъ трактомъ и никуда въ сторону не свора-чивать.

„Во время пути ты не долженъ отлучаться отъ г. Шелгунова *ни на одинъ шагъ*, слѣдить внимательно за всѣми его поступками, наблюдать, чтобы онъ на пути не учинилъ побѣга. Тебѣ запрещается разговари-вать съ арестантомъ и заходить съ нимъ въ какія-либо публичныя мѣ-

¹⁾ Людмила Петровна Шелгунова страдала параличомъ ногъ.

ста, братъ съ собою въ дорогу постороннихъ людей и принимать отъ кого-либо ~~жакія~~ бы то ни было вещи или оружіе.

„Останавливаться гдѣ-либо на пути пересылающемуся арестанту не дозволяется, но если бы онъ заболѣлъ дорогою и по засвидѣтельствованію благонадежнаго врача окажется, что онъ совершенно не въ состояніиѣ ходить далѣе, то, по распоряженію мѣстнаго полицейскаго начальства, можетъ быть остановленъ въ одномъ изъ городовъ на пути слѣдованія и помѣщенъ въ больницу для излѣченія болѣзни.

„Въ случаѣ болѣзни, препятствующей дальнѣйшему слѣдованію его, начальникъ полиціи того мѣста, гдѣ онъ останется для пользованія, долженъ, по принятіи его отъ тебя подъ квитанцію, донести о томъ начальнику губерніи, равнымъ образомъ обязанъ и впослѣдствіи уведомлять объ отправлѣніи преступника по выздоровленію его.

„Арестанта ты долженъ везти до мѣста назначенія, но если онъ по причинѣ болѣзни долженъ остаться въ какомъ-либо городѣ долгое время, тогда ты долженъ быть отпущенъ назадъ по распоряженію губернскаго начальства; въ семъ послѣднемъ случаѣ бумаги ты долженъ передать полпці, не иначе какъ подъ квитанцію.

„Если бы арестантъ, сопровождаемый тобою, передалъ тебѣ письмо, записку или какого бы то ни было рода бумагу, то ты долженъ представить оныя немедленно тому начальству, которому преступникъ тобою сданъ будетъ, и отнюдь оныя не задерживать у себя до возвращенія къ своему мѣсту.

„По возвращенію въ г. Вологду обязываешься ты явиться ко мнѣ и представить квитанцію“.

На слѣдующій день, 9 декабря, Шелгуновъ былъ „исправно доставленъ“ въ Тотъму, въ чёмъ уѣздный исправникъ Макшеевъ и выдалъ жандарму Коломазову „установленную квитанцію“. Донося объ этомъ губернатору, исправникъ сообщалъ, что „за г. Шелгуновымъ учрежденье строгій полицейскій надзоръ“. Вмѣстѣ съ этимъ, исполняя предписаніе губернатора, исправникъ доносилъ, что „г. Шелгуновъ имѣть отъ роду 40 лѣтъ, родина его С.-Петербургъ, семейство заключается изъ жены и двухъ дѣтей“.

А. Пругавинъ.

(Окончаніе следуетъ.)

Н. В. Шелгуновъ въ ссылкѣ¹⁾).

(По неизданнымъ источникамъ.)

IV.

Поднадзорная жизнь.

Нетрудно себѣ представить, что долженъ быть почувствовать и испытать Н. В. Шелгуновъ,—почти всю жизнь проведшій въ Петербургѣ,—когда жандармъ завезъ его въ медвѣжій уголъ, называемый Тотъмой, въ которомъ волею судебъ ему суждено было, быть можетъ, долгіе годы „состоять подъ надзоромъ полиціи“. Однако эта печальная перспектива отнюдь не пугаетъ, не обезкураживаетъ Шелгунова, какъ въ свое время не испугалъ его и мрачный казематъ Алексѣевскаго равелина. По этому поводу невольно вспоминаются слова Михайловскаго.

„Судьба не баловала его, — писалъ о Шелгуновѣ Н. К. Михайловскій, — и мужественнѣе, чѣмъ онъ, нельзя было, я думаю, переносить ея иногда жесточайшіе удары. Закалился ли онъ въ житейскихъ бурахъ, которыя ему пришлось вынести такъ много и такихъ разнообразныхъ, или ужъ такимъ уродился, но всякую свою личную бѣду онъ встрѣчалъ, не моргнувъ глазомъ“²⁾.

Очнувшись въ Тотъмѣ, Шелгуновъ, точно также „не моргнувъ глазомъ“, спѣшить поскорѣе устроиться, чтобы имѣть возможность приступить къ литературной работѣ, въ которой онъ видѣлъ главную цѣль своего существованія. „Съ устройствомъ квартиры и хозяйства я уже покончилъ, — пишетъ онъ женѣ вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Тотъму. — У меня есть все, что нужно для порядка въ вещахъ, платьѣ и бѣльѣ: комодъ, шкафъ, умывальный столикъ, кровать и столикъ къ кровати. Это вещи мои собственныя; все остальное хозяйское. Хозяева мои

1) *Русская Мысль* 1910 г., кн. II.

2) „Сочиненія Н. В. Шелгунова“. Издание третье. Томъ первый. Вступительная статья Н. К. Михайловскаго.

люди превосходные. И я встречаю въ ихъ отношеніяхъ къ себѣ ту деликатность, какую именно искалъ. Правда, эта семья выше обыкновенныхъ мѣщанъ. Самъ хозяинъ — ратманъ, жена его изъ духовнаго званія“.

Они же готовятъ ему обѣдъ, простой и неприхотливый, но вполнѣ удовлетворяющій его. „Однимъ словомъ, — пишетъ Николай Васильевичъ, — материальная сторона моей жизни сложилась вполнѣ удовлетворительно; но нравственно — тоска. Я чувствую, что я здѣсь на чужой сторонѣ, какъ путешественникъ на станціи, гдѣ обстоятельства задерживаютъ его противъ воли, и неизвѣстно, когда кончатся. И тѣмъ сильнѣе чувствую я это, что *совсѣмъ разстроенъ нервами отъ продолжительного заключенія*, и нѣтъ для меня ничего легче, какъ разстроиться отъ самой пустой причины, въ особенности, если я не досплю, т.-е. когда лягу послѣ 11 часовъ“.

Но больше всего его беспокоитъ мысль, что высылка его изъ Петербурга будетъ „вѣчной“. „И оттого болитъ мое сердце“, прибавляетъ онъ. Точно также его видимо тревожитъ опасеніе за то, что ссылка, затянувшійся на долгое время, сдѣлаетъ невозможнымъ для него литературную работу. Однако, всѣ эти опасенія вимало не помышляли ему бодро приняться за работу; черезъ недѣлю была уже готова статья для *Русского Слова*, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ констатировалъ, что „здѣсь“ (т.-с. въ Тотъмѣ) пишется легче, чѣмъ въ *равелинѣ*“.

Первое время пребыванія въ Тотъмѣ Николай Васильевичъ не мало беспокоился за судьбу своихъ бумагъ, документовъ и книгъ, которые были отобраны у него при обыскѣ.

14 декабря тотемскій исправникъ пишетъ губернатору, что „состоящій подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ“ г. Шелгуновъ „ходатайствуетъ о возвратеніи принадлежащихъ ему документовъ, въ которыхъ онъ имѣть въ настоящее время необходимость“. По объясненію исправника, „при арестованіи Шелгунова въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ апрѣлѣ 1863 года были отобраны отъ него: указъ объ его отставкѣ и разные документы его отца, жены, сына и сестры, нѣкоторыя книги и одно частное исковое дѣло. Документы эти, бумаги и книги, какъ ему положительно извѣстно, находятся при производившемся обѣ немъ дѣлѣ въ комиссіи военного суда при с.-петербургскому Ордонансъ-Гаузѣ, но по объявлѣніи ему приговора возвращены не были“.

По этому поводу возникаетъ длинная и скучная переписка, въ которой участвуютъ и вологодскій губернаторъ, и петербургскій военный генераль-губернаторъ, и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, и т. д. Бумаги и документы Шелгунова разыскиваются наконецъ и доставляются къ нему въ Тотъму, но оказывается, что тутъ далеко не все то, что

было отобрано отъ него. Шелгуновъ выпужденъ вновь писать и просить о возвращеніи ему его вещей, вслѣдствіе чего вновь начинались розыски и т. д.

При болѣзнившемъ состояніи здоровья, при нервномъ разстройствѣ, вынесеннымъ имъ изъ Петропавловской крѣпости, Шелгуновъ особенно остро долженъ былъ чувствовать свое одиночество въ Тотъмѣ. „Здѣсь я совсѣмъ одинъ, какъ пень среди долины, — пишетъ онъ женѣ 13 декабря. — Отъ своей почвы оторванъ, домъ разбитъ, а новыхъ корней здѣсь не пущу и гнѣзда не совью... Миѣ кажется, что я очень постарѣлъ; по крайней мѣрѣ, физически я такъ слабъ, какъ никогда не былъ прежде“ (стр. 155).

Спустя нѣсколько недѣль послѣ этого онъ снова пишетъ женѣ: „Убѣжденія разсудка на меня не дѣйствуютъ; твои письма успокаиваютъ меня на минуту, а затѣмъ опять овладѣваютъ мной чувство одиночества, котораго я не испытывалъ въ крѣпости и которое охватило меня, какъ только я вышелъ на свободу. Дома нѣть, корни вырваны, я одинъ въ четырехъ стѣнахъ, ты за тысячу верстъ, ко мнѣ проѣхать нельзя — все это такие факты, пѣзъ которыхъ ни разсудокъ, ни сердце, не извлѣкутъ ничего утѣшительнаго... Ты знаешь, что человѣку, жившему вѣчно въ семьѣ, одиночная жизнь, — пытка. У тебя дѣти, вокругъ — люди, которыхъ ты любишь... однимъ словомъ, домъ въ полномъ составѣ. У меня же черныя деревянныя стѣны, и въ нихъ я также одинокъ, какъ въ равелинѣ“ (стр. 157).

Одиночество, лишеніе свободы, прикрѣпленіе къ опредѣленному пункту и полная неизвѣстность того, долго ли продолжатся всѣ эти муки, — все это, разумѣется, составляло главную тяжесть „поднадзорнаго житья“. Но этимъ далеко еще не исчерпывались терзанія административнаго ссыльного. Массу страданій причинялъ тотъ полицейскій контроль, который существовалъ въ то время надъ перепиской политического ссыльного.

Вся корреспонденція Николая Васильевича проходила чрезъ руки уѣздиаго исправника. Онъ не имѣлъ права отправить ни одного письма, ни одной записки, не представивши ихъ предварительно на разсмотрѣніе исправника. Точно также вся корреспонденція, получавшаяся въ почтовой конторѣ на его имя, доставлялась сначала къ исправнику, который распечатывалъ ее, перечитывалъ и уже затѣмъ передавалъ Шелгунову.

То же самое продѣлывалось, конечно, и съ посыпками, которыя получались на имя Н. В. Однажды его жена прислала ему въ Тотъму нѣсколько фуфаекъ, такъ какъ Шелгуновъ писалъ какъ-то ей о жестокихъ морозахъ, стоявшихъ у нихъ зимой. Посылка эта обратила на себя подозрительное вниманіе не только полиціи, но и почтмейстера.

„Не понимаю,—писалъ по этому поводу И. В.,—чего усердствуетъ почтмейстеръ: онъ не только вскрывалъ посылку въ присутствіи исправника, но еще и вытряхивалъ фуфайки: вѣрно думалъ найти бомбы или ракеты. Странное дѣло, что у настъ всякий хочетъ быть полицейскимъ“ (стр. 158).

Конечно, полицейская цензура не давала возможности Шелгунову въ своихъ письмахъ выразить чувства негодованія противъ подобного насилия, вторгавшагося въ область самыхъ интимныхъ отношений. Но тѣмъ не менѣе сдержанное негодование чувствуется въ его письмахъ каждый разъ, когда онъ касается этого возмутительного насилия. Тому же полицейскому контролю подвергалась и чисто дѣловая, денежная корреспонденція.

„Благосвѣтловъ,—сообщалъ онъ какъ-то женѣ,—выслалъ мнѣ 300 рублей еще за прошлый годъ, и мнѣ прислали его письмо изъ полиціи, съ надписью, что на выдачу денегъ нѣтъ препятствій... Это что-то уму непостижимое!—восклицаетъ съ негодованіемъ И. В.—Да какія же могутъ быть препятствія?—спрашиваетъ онъ, и затѣмъ, очевидно, подавивъ въ себѣ чувство возмущенія, продолжаетъ.—Вообще хорошо жить на свѣтѣ (читай—въ Россіи). Относительно писемъ мнѣ было въ развалинѣ легче, онъ, во-первыхъ, на то и развалинъ; а во-вторыхъ, комендантъ читалъ письма одинъ, не посвящая въ нихъ членовъ своего семейства“ (стр. 164).

Очевидно, что только вслѣдствіе полицейской цензуры, Шелгуновъ не могъ прямо сказать въ этомъ письмѣ, что уѣздные исправники не только сами читали его письма, но и посвящали въ нихъ членовъ своего семейства, женъ, свояченицъ и т. д. Послѣднія въ свою очередь не могли, конечно, отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться со своими знакомыми тѣми новостями, которыхъ они узнавали изъ писемъ политического ссылочного, невольнаго члена ихъ уѣзднаго общества.

Въ данномъ случаѣ подобныя новости представлялись тѣмъ болѣе интересными, что Шелгуновъ въ своихъ письмахъ къ женѣ обыкновенно сообщалъ съ полной откровенностью о всѣхъ своихъ переживаніяхъ въ ссылкѣ, о новыхъ знакомыхъ, мужчинахъ и дамахъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. И вотъ отзывы и характеристики новыхъ знакомыхъ, которые дѣлалъ Шелгуновъ въ письмахъ къ женѣ, тотчасъ же становились достояніемъ сплетенъ и материаломъ для всевозможныхъ пересудовъ среди уѣздныхъ кумушекъ. Находились, разумѣется, лица, которыхъ чувствовали себя обиженными и оскорблѣнными отзывами дерзкаго ссылочного; такимъ образомъ на этой почвѣ создавалось мало-по-малу враждебное отношеніе къ „поднадзорному“ со стороны наиболѣе вліятельной части уѣзднаго общества.

V.

Медицинское освидѣтельствованіе.

Суровый климатъ Тотъмы, съ его 30-градусными морозами, крайне вредно вліялъ на здоровье Шелгунова. Къ тому же квартира его оказалась очень холодной, по утрамъ температура въ комнатѣ падала до 8°, такъ что „нельзя было писать, потому что коченѣли руки“. „А ужъ на дворѣ какой холодъ!—восклицаетъ Н. В. въ одномъ изъ своихъ писемъ.—Старъ я и слабъ, крѣпость меня ужасно разстроила; явилась какая-то хилость; чувствуя всѣмъ тѣломъ зловредность здѣшняго климата и не могу дышать на улицѣ прямо носомъ, а утыкаю его въ шарфъ“.

1 февраля 1865 года исправникъ доносить губернатору, что „состоящій подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ отставной полковникъ Шелгуновъ заставилъ ему о вредномъ вліяніи здѣшняго климата на его здоровье, прося въ то же время освидѣтельствовать его. Всльдствіе этого,—писаль исправникъ,—по приглашенію моему, Шелгуновъ былъ свидѣтельствуемъ тотемскимъ городовымъ врачомъ Муромцовымъ, при чмъ оказалось, что здоровье его требуетъ радикальнаго 1) лѣченія. На этомъ основаніи полковникъ Шелгуновъ просить ходатайства о разрѣшеніи ему права лѣченія за границею или, въ крайнемъ случаѣ, о переводѣ его въ болѣе теплую губернію“.

Донося объ этомъ, исправникъ представлялъ „на благоусмотрѣніе“ губернатора медицинское свидѣтельство тотемскаго городового врача и два письма Н. В. Шелгунова: одно на имя губернатора Хоминскаго, другое—на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Письмо на имя губернатора было слѣдующаго содержанія:

„Ваше превосходительство!

„Съ первого дня возвращенія своего въ Тотъмы я почувствовалъ вредное вліяніе здѣшняго климата на свое здоровье.

„Этого вѣроятно бы не случилось, если бы мое здоровье не было уже разстроено ранѣе.

„Еще до заключенія въ крѣпости я былъ три раза на заграничныхъ минеральныхъ водахъ; но потомъ годъ и 7½ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ потрясли такъ мое здоровье, что мнѣ необходимо теперь серьезное укрѣпляющее лѣченіе, чтобы возстановить свои упавшія силы.

„Я обратился къ г. тотемскому уѣздному исправнику съ просьбой объ освидѣтельствованіи меня чрезъ врачей, чтобы придать своему про-

1) Вместо „радикальнаго“ исправникъ пишетъ „редикальнаго“.

шению ту несомнѣнность истины, какая необходима въ настоящемъ случаѣ.

„Позволяю себѣ смѣость убѣдительнѣше просить ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ заграничный отпускъ на 3—4 мѣсяца въ Италію или въ Ниццу.

„Но если бы правительство нашло неудобнымъ дать мнѣ такое разрешеніе, то я буду покорнѣше просить о перевозѣ меня въ губернію съ менѣе суровымъ климатомъ, чѣмъ Вологодская, гдѣ бы средняя температура зимы не была ниже Петербургской.

„Если вашему превосходительству угодно будетъ найти мою просьбу заслуживающей вниманія, то я буду покорнѣше просить, вмѣстѣ съ представленіемъ своего ходатайства, препроводить г. министру внутреннихъ дѣлъ прилагаемое при семъ письмо мое къ его высокопревосходительству, и кошю съ медицинскаго свидѣтельства о состояніи моего здоровья за годъ до заключенія меня въ крѣпости.

„Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Николай Шелгуновъ (отставной полковникъ).“

По полученіи этого письма, губернаторъ обратился въ вологодскую врачебную управу, предлагая ей разсмотрѣть „свидѣтельство, выданное тотемскимъ городовымъ врачомъ о состояніи здоровья находящагося подъ надзоромъ полиціи въ г. Тотъмъ отставного полковника Николая Шелгунова“ а затѣмъ возвратить ему это свидѣтельство со своимъ заключеніемъ.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи было установлено, что Н. В. Шелгуновъ имѣть отъ рода 40 лѣтъ, „роста средняго, тѣлосложенія слабаго, худощаваго“. „Изъ имѣющейся у Шелгунова, — говорится въ свидѣтельствѣ, — коніи съ медицинскаго свидѣтельства, выданаго ему въ 1862 году ординаторомъ императорскаго воспитательного дома Радивиловичемъ и засвидѣтельствованаго с.-петербургскимъ физикатомъ, видно, что здоровье Шелгунова еще до 1862 года, вслѣдствіе напряженныхъ умственныхъ занятій и сидячей жизни, было разстроено совершенно“.

Уже въ то время, какъ видно изъ медицинскаго свидѣтельства, Николай Васильевичъ „страдалъ застоемъ крови въ воротной венѣ (vena parfigurum) и вслѣдствіе этого разстройствомъ пищеваренія и сильными приливами крови къ важнымъ внутреннимъ органамъ, къ легкимъ и мозгу. Послѣдующія обстоятельства жизни Шелгунова, именно слишкомъ полуторагодичное заключеніе въ крѣпости, угнетенное и подавленное душерасположеніе само собою только усилили вышеописанное болѣзнейшее состояніе Шелгунова.

„Наконецъ съ переѣздомъ въ сѣверный край во время суровой зимы,

ири постоянныхъ частыхъ приливахъ крови къ легкимъ и при содѣйствіи холоднаго воздуха, Шелгуновъ пріобрѣлъ весьма упорный хронический катарръ легкихъ, не уступавшій лѣченію. Это вновь присоединившееся къ прежнимъ страданіямъ именно крайне пагубно вліяло на разстроенное здоровье Шелгунова. Удерживая его постоянно въ квартирѣ, оно лишало его необходимаго движенія на свѣжемъ воздухѣ, вслѣдствіе чего застой въ воротной венѣ и приливы крови къ важнымъ внутреннимъ органамъ увеличились. Послѣдствіемъ были совершенный упадокъ питания и кровотворенія, совершенная потеря аппетита и безсонница“.

Въ моментъ освидѣтельствованія „наружный видъ (habitus) больного, сильная худоба тѣла (magasmus), почти совершенное отсутствіе подкожнаго жирнаго слоя, грязно-сероватый цвѣтъ кожи, блѣдность слизистыхъ оболочекъ и временами появляющіеся отеки (foedema) низкихъ конечностей служили явными объективными признаками глубокоотрясенной организаціи. Физическое изслѣдованіе груди открываетъ иѣкоторую тупость звука надъ лопаточными остями (in foss. sarpaspinata) и неопредѣленный жесткій дыхательный шумъ (respirat ospergi) съ удлиненнымъ выыханіемъ (k. proloagati). Послѣднія данные объективнаго изслѣдованія при совершенномъ упадкѣ и питанія, и кровотворенія у Шелгунова имѣютъ крайне серьезное значеніе и съ несомнѣнною почти вѣроятностью заставляютъ опасаться начиающагося органическаго измѣненія легкихъ (tuberculosis pulmonum)“.

„Результаты изслѣдованія заставляютъ заключить: 1) что неизлѣчимый въ здѣшнемъ климатѣ у г. Шелгунова катарръ легкихъ при дальнѣйшемъ его пребываніи здѣсь неминуемо поведетъ къ развитію у него легочной чахотки (tuberculus pulmon); 2) что настоящее состояніе здоровья Шелгунова требуетъ немедленнаго радикального лѣченія и объщаєтъ успѣхъ при пользованіи съ мая до сентября липшизаранскими водами (въ прусской Вестфаліи, около Подсборка) Арминіевымъ источникомъ (Arminius quelea); 3) что, наконецъ, перемѣна мѣстожительства въ болѣе теплой полосѣ Россіи составляетъ для Шелгунова жизненное условіе (indicatio vitatis)“.

Это свидѣтельство подписано было тотемскимъ городовымъ врачомъ Яковомъ Муромцовымъ и тотемскимъ уѣзднымъ исправникомъ Волоцкимъ. Вологодская врачебная управа, разсмотрѣвъ это свидѣтельство, не замедлила его утвердить. Такимъ образомъ серьезность болѣзни-наго состоянія Николая Васильевича была констатирована и уѣздными, и губернскими медицинскими учрежденіями.

Утвержденное врачебной управой медицинское свидѣтельство губернаторъ, въ свою очередь, представляетъ „на благоусмотрѣніе“ министра внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ со свидѣтельствомъ доктора Радзивиловича и съ письмомъ Шелгунова на имя министра. Свое прошеніе относи-

тельно „дозволенія ему отпуска за границу для излѣченія болѣзни или же, если это невозможно, о переводѣ его въ другую, болѣе теплую губернію“ Николай Васильевичъ подалъ 28 января, но благодаря обычной канцелярской волокитѣ, его прошеніе было отправлено къ министру лишь въ половинѣ марта.

Канцеляріи, по обыкновенію, не счищали съ разрѣшеніемъ просьбы и ходатайствъ, которыхъ поступали въ нихъ, особенно отъ политическихъ ссыльныхъ. Между тѣмъ Шелгуновъ, больной, одинокий, простуженный, съ разбитыми нервами, видимо, все болѣе и болѣе тяготился Тотъмой, считая чуть не каждый день своей ссылки. „Три мѣсяца только,—пишетъ онъ женѣ 22 февраля 1865 года,—а мнѣ кажется, что я живу здѣсь безконечное пространство времени“.

VI.

Тотъма.—Устюгъ.—Никольскъ.

Наконецъ, Тотъма до такой степени сдѣлалась невыносимой Шелгунову, что онъ прямо не въ состояніи былъ долѣе оставаться въ ней. Въ то же время онъ очевидно совсѣмъ не вѣрилъ въ благопріятный результатъ возбужденного имъ ходатайства „объ отпускѣ за границу“ или о переводѣ въ другую, лучшую губернію. Наконецъ, изъ писемъ жены, жившей въ то время съ дѣтьми въ Швейцаріи, онъ убѣдился, что она не скоро еще получить возможность прѣѣхать къ нему въ ссылку, чтобы раздѣлить его участіе.

И вотъ 19 марта 1865 года Николай Васильевичъ посыпаетъ губернатору просьбу о переводѣ его изъ Тотъмы въ г. Устюгъ.

„Ваше превосходительство, милостивый государь Станиславъ Фадѣевичъ.

„Ваше превосходительство назначили мнѣ для жительства первоначально г. Устюгъ; но домашнія обстоятельства заставили меня просить о назначеніи города менѣе отдаленаго. Теперь, обстоятельства иного рода заставляютъ меня беспокоить васъ вновь просьбой возвратиться къ вашему первому назначенію.

„Г. Тотъма лежитъ въ мѣстности довольно низменной и, со вскрытиемъ рѣкъ и наступленіемъ весны, мнѣ угрожаетъ лихорадка или горячка, которымъ я легко подверженъ.

„Другая причина, заставляющая меня желать оставить Тотъму, чисто экономическая. По роду и характеру моихъ литературныхъ занятій, составляющихъ для меня насущный хлѣбъ, Тотъма, отсутствіемъ внутренняго развитія и недостаткомъ литературныхъ и учебныхъ пособій, ставила меня уже не разъ въ положеніе весьма затруднительное.

„Оба эти обстоятельства, для меня совершенно роковыя, заставляютъ

меня просить ваше превосходительство, самымъ убѣдительнымъ образомъ, дозволить миѣ перѣѣхать въ Устюгъ.

„Внутреннее убѣжденіе говорить мнѣ, что ваше превосходительство не откажете въ моей просьбѣ, и въ виду такой несомнѣнности я желалъ бы надѣяться, чтобы ваше разрѣшеніе дозволило мнѣ предупредить здѣшнюю весну и оставить Тотьму по послѣднему санному пути, до вскрытия рѣкъ“.

Губернаторъ, получивъ это прошеніе 21 марта, положилъ на немъ резолюцію: „исполнить“. На другой же день онъ предписываетъ тотемскому исправнику „сдѣлать распоряженіе объ отправлениі г. Шелгунова на собственный его счетъ подъ благонадежнымъ присмотромъ къ устюгскому уѣздному исправнику“.

Одновременно съ этимъ губернаторъ пишетъ и устюгскому исправнику, причемъ подробно сообщаетъ о причинѣ ссылки Н. В.—ча въ Вологодскую губернію, а въ заключеніе предписываетъ „по прибытии въ Устюгъ г. Шелгунова учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ и о послѣдующемъ донести“.

26 марта Николай Васильевичъ былъ отправленъ изъ Тотьмы „съ однимъ благонадежнымъ полицейскимъ служителемъ“ въ г. Устюгъ, куда онъ и „былъ доставленъ“ 29 марта.

Предчувствія и опасенія Николая Васильевича вскорѣ дѣйствительно сбылись. 15 апрѣля получилась бумага изъ министерства внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи исполнительной отъ 31 марта, въ которой статсь-секретарь Валуевъ писалъ губернатору: „въ виду обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ высылкѣ въ Вологодскую губернію отставнаго полковника корпуса лѣсничихъ Шелгунова, съ подчиненіемъ на мѣстѣ жительства строгому полицейскому надзору, я признаю неудобнымъ разрѣшить нынѣ этому ссыльному отпускъ за границу, а равно перемѣстить его на жительство въ другую губернію“.

Первые впечатлѣнія отъ Устюга были довольно благопріятныя; по сравненію съ Тотьмой старинный Великій-Устюгъ представлялся уже почти настоящимъ городомъ. На первыхъ порахъ Н. В. былъ „совершенно доволенъ“ Устюгомъ. „Устюгъ мнѣ нравится гораздо болѣе Тотьмы уже потому, что это большой городъ (8 $\frac{1}{4}$, тысяча жителей). Слѣдовательно, въ немъ и условия жизни болѣе широкой“, такъ онъ писалъ своей женѣ. Въ Устюгѣ оказалась порядочная библіотека и даже фотографія. Конечно, если бы Шелгуновъ попалъ въ Устюгъ не изъ Тотьмы, а прямо изъ Петербурга, то его впечатлѣнія отъ этого города навѣрное были бы совершенно иныя.

Кажется, небольшое счастіе, небольшое право жить въ г. Устюгѣ, однако Шелгуновъ, живя въ этомъ городѣ, оказывается, все время не былъ спокоенъ и постоянно опасался, что его вотъ-вотъ вышлютъ въ

какой-нибудь другой еще болѣе глухой и далекій городъ. 4 июля онъ пишетъ женѣ: „въ моемъ положеніи самое худое то, что меня постоянно мучить мысль, что я ненроченъ въ Устюгѣ; я нахожусь совершенно въ положеніи человѣка на почтовой станціи. Я больше ничего не хочу, какъ только того, чтобы меня оставили въ покоѣ. Ужъ я примирился съ мыслью, что я пробуду въ ссылкѣ лѣтъ десять, и хочу только одного, чтобы меня не переводили изъ города въ городъ, какъ это дѣлаютъ съ другими“ (стр. 174).

И на этотъ разъ опасенія Николая Васильевича также оправдались въ самомъ скромѣ времени: дѣйствительно, ему недолго пришлось поѣхать въ Устюгѣ.

✓ Уже 8 января 1866 года губернаторъ пишетъ устюгскому уѣздному исправнику: „признавая нужнымъ состоящаго подъ надзоромъ полиціи въ г. Устюгѣ отставнаго полковника Николая Шелгунова перемѣстить въ г. Никольскъ, я предписываю вашему высокоблагородію немедленно распорядиться обѣ отправленіи его подъ благонадежнымъ присмотромъ къ Никольскому уѣздному исправнику, которому мною вмѣстѣ съ симъ предписано по прибытии г. Шелгунова учредить за нимъ строгій секретный надзоръ“.

Чѣмъ именно былъ вызванъ переводъ Николая Васильевича изъ Устюга въ Никольскъ—этого совершенно не видно изъ подлиннаго дѣла, которымъ мы пользуемся для настоящаго очерка. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ письмахъ Шелгунова къ его женѣ.

✓ 13 января онъ писалъ: „Въ заголовкѣ слѣдующаго письма ты встрѣтишь уже не В.-Устюгъ, а Никольскъ, куда меня переводятъ. О причинѣ перевода я напишу тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ“. Въ письмѣ отъ 26 января, сообщая о первыхъ впечатлѣніяхъ отъ жизни въ Никольскѣ, онъ пишетъ: „Но какая же причина, что я попалъ въ Никольскѣ? Не угадаешь и очень удивишься: я далъ пощечину (двѣ) одному судебному слѣдователю, господину въ высшей степени дерзкому, глупому, звѣрю въ семейной жизни и т. д. Люди, знающіе его, говорятъ, что ему слѣдовало получить ихъ давно, но изъ мѣстныхъ жителей не нашлось ни одного человѣка, способнаго на это. Мои пощечины—только финалъ исторіи, которая началась еще весной и въ которой я дѣйствовалъ, какъ третье лицо. Ты догадываешься, что тутъ замѣшалась любовь и ревность. Господинъ, получившій пощечину, имѣлъ смѣлость не только сказать мнѣ грубость, но даже погрозить пальцемъ; я воспыпалъ, какъ циркональ, и отвѣтилъ грубиану языкомъ, ему единствено пощечинамъ“...

Позднѣе, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Николай Васильевичъ просилъ свою жену начать за него хлопоты въ Петербургѣ, онъ снова возвращается къ этой исторіи и сообщаетъ иѣкоторыя подробности, еще болѣе освѣщающія ее.

„Помни только,—пишетъ онъ,—что пощечина, данная мною судебному слѣдователю Сутоцкому,—человѣку, о которомъ ты можешь судить по тому, что онъ услыхалъ о Гарибальди въ первый разъ только тогда, когда явилась шляпка *à la Гарибальди*, и который звалъ меня человѣкомъ подозрительнымъ и ссылкой собакой,—была причиной, что устюжскій исправникъ, другъ и пріятель Сутоцкаго, аттестовалъ меня, конечно, очень дурно. Но неужели отвѣтить пощечиной на грубость значить быть *поведеніемъ неблагонамѣреннаго?* (Курсивъ въ подлинникеъ.) Пожалуйста, объясни это, если понадобится, кому слѣдуетъ“.

Какъ бы то ни было, но Шелгунову пришлось помириться съ Никольскомъ—маленькимъ городкомъ, еще болѣе захолустнымъ, чѣмъ Тотъма. Онъ встрѣтилъ эту перемѣну въ своей судьбѣ совершенно спокойно и въ своихъ письмахъ къ женѣ старался даже доказать, что Никольскъ якобы имѣть для него иѣкоторыя преимущества сравнительно съ Устюгомъ. „Въ Устюгѣ,—писалъ онъ,—я постоянно чувствовалъ надъ собой полицейскій надзоръ, и это такая пытка, которой ты, конечно, представить себѣ не можешь“.

Но въ климатическомъ отношеніи Никольскъ, какъ расположенный въ сѣверо-восточномъ углу Вологодской губерніи, несомнѣнно долженъ былъ оказать неблагопріятное вліяніе на здоровье Шелгунова. Дѣйствительно въ февралѣ мѣсяцѣ (1866 г.) болѣзнь Николая Васильевича обострилась. Никольскій исправникъ доноситъ губернатору, что „Шелгуновъ заболѣлъ хроническою болѣзнию, извѣстною вашему превосходительству изъ имѣющихся въ виду вашемъ медицинскихъ свидѣтельствъ о его болѣзни. Онъ проситъ моего ходатайства о дозволеніи ему отправиться на два дня подъ надлежащимъ присмотромъ въ г. Устюгъ, для совѣта съ тамошними врачами, пользовавшимися его во время проживанія въ г. Устюгѣ“.

„Удовоствѣряя вашему превосходительству, что г. Шелгуновъ дѣйствительно боленъ,—писалъ исправникъ,—я посыпаю представить его ходатайство на разрѣшеніе вашего превосходительства и при этомъ обязываюсь дождѣтъ, что, имѣя въ Устюгѣ родныхъ, я съ удовольствиемъ бы принялъ на себя обязанность сопровождать Шелгунова въ Устюгъ и обратно, если бы ваше превосходительство изволили изъявить на это согласіе“.

Но губернаторъ отнесся къ этому ходатайству совершенно отрицательно, положивъ на рапортъ исправника резолюцію: „недостаточность поводовъ“. Всегдѣ за этимъ 16 марта онъ пишетъ никольскому исправнику: „поставляю въ извѣстность ваше высокоблагородіе, что я не нахожу оснований дозволить г. Шелгунову эту отлучку, такъ какъ для облегченія болѣзни его, какъ вы пишете, хронической, извѣстной устюгскимъ врачамъ, онъ можетъ воспользоваться письменными ихъ совѣтами“.

VII.

Въ вологодскихъ дебряхъ.

Къ нездоровью и болѣзнямъ Н. В. вскорѣ прибавились другія испытанія, которыя удручили и разстраивали его, пожалуй, болѣе, чѣмъ всѣ физические недуги. Это цензурныя стѣсненія и реакціонныя распоряженія правительства, особенно усилившіяся со времени покушенія Каракозова 4 апрѣля 1866 г. Запрещеніе *Русскаго Слова* и *Современника* тяжело отозвалось на самочувствіи Шелгунова. Вновь возникшій журналъ *Дѣло*, въ которомъ онъ принялъ дѣятельное участіе, подвергался ожесточеннымъ преслѣдованіямъ со стороны цензуры.

„Пишешь, пишешь, сидишь съ утра до вечера и только для того, чтобы цензура запрещала,—читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Н. В. къ женѣ.—Изъ 48 листовъ, набранныхъ для первой книжки *Дѣла*, 22 запрещены. Подумаешь, что авторы пишутъ какіе-нибудь ужасы. Ничего не бывало. У меня было заготовлено иѣсколько статей. Однѣ изъ нихъ запрещены безусловно, о другихъ идутъ цензурные толки и разсужденія въ комитетѣ. Такое заглавіе, какъ „ученіе о нравственности“ считается нецензурнымъ, и необходимо придумывать болѣе приличное... Моихъ статей, которыхъ пробовали провести въ первую книжку, прошло на 600 цѣлковыхъ. Съ этимъ я бы еще помирился. Но у меня прошло время. Я разсчитывалъ, что напишу еще три статьи, и тогда на весь нынѣшній годъ комплектъ статей выполненъ, и я могу заняться мѣсяцъ или два другой работой... Теперь начинай снова. Лучше бы я провалялся все время на диванѣ, задравъ ноги въ потолокъ, по крайней мѣрѣ, отдохнуль бы. Вѣдь это камень Сизифа!...“ (стр. 198).

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Если бы ты знала, что сдѣлала цензура съ моей статьей въ этой книжкѣ! Изъ трехъ листовъ вычеркнула ровно полтора, и ничего въ статьѣ не поймешь...“

Лѣтомъ 66 года жена Шелгунова сообщала ему о своемъ желаніи вернуться въ Россію и прѣѣхать къ нему. Разумѣется, это извѣстіе въ сильнѣйшей степени обрадовало Николая Васильевича, и онъ тотчасъ же начинаетъ строить планы о будущей совмѣстной жизни. Теперь онъ уже не хочетъ болѣе мириться съ Никольскомъ.

„Помни,—пишетъ онъ женѣ,—что въ Никольскѣ намъ жить нельзя: или въ губерніи, ближайшой къ Петербургу по желѣзной дорогѣ, или на Волгѣ, или въ Вологдѣ, или же въ ближайшихъ къ ней уѣздныхъ городахъ—Кадниковѣ или Грязовѣ. Однимъ словомъ, на путяхъ сообщенія, поближе къ Петербургу и къ центрамъ той дѣятельности, которая будетъ давать намъ существованіе“ (стр. 193).

Въ то же время онъ просить жену лично похлопотать въ Петербургѣ о переводѣ его въ лучшую губернію или городъ, и даетъ ей по-

дробныхъ наставлений по этой части. Главное, чтобы поближе къ Петербургу. Если это окажется невозможнымъ, нужно просить о дозволеніи жить въ Подольѣ или же, наконецъ, въ Самарѣ. О Вологдѣ же можно просить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, „при отсутствіи всякой благопріятности“.

„Вообще,—писалъ Н. В. женѣ,—проси больше и упирая на то, что ты и я больные люди. Пусть посмотрятъ въ моемъ дѣлѣ; тамъ есть нѣсколько медицинскихъ свидѣтельствъ, правдивость которыхъ стоитъ вѣвѣ всякаго сомнѣнія. Вологодская губернія то же, что тундра. Если меня ссылали, то, конечно, только для того, чтобы сдѣлать безвреднымъ, а не на преждевременную смерть. Я писалъ Долгорукову, что, если бы законъ требовалъ моей смерти, то судъ приговорилъ бы меня не къ ссылкѣ, а къ смертной казни. Неужели это для нихъ не будетъ понятно?“ ¹⁾.

Съ своей же стороны Н. В. 2 ноября (1866 г.) пишетъ губернатору новое письмо, въ которомъ просить его о переводе въ г. Грязовецъ.

„Слѣдующія причины,—пишетъ онъ,—побуждаютъ меня просить обѣ этомъ. Ко мнѣ возвращается изъ-за границы жена, женщина больная, нѣсколько лѣтъ лѣчившаяся на заграничныхъ водахъ и на разстроенное здоровье которой супорый климатъ сѣверо-востока Вологодской губерніи обнаружить губительное вліяніе.

„Дѣти наши, проведшія большую часть своей жизни за границей, будутъ страдать неизбѣжно. Я уже замѣтилъ это на сыне, находящемся при мнѣ, который съ прошлой зимы боленъ груднымъ катарромъ.

„Можетъ быть, все это и не было бы особенно важно, если бы никольскій климатъ бытъ менѣе супорый и въ Никольскѣ имѣлись бы доктора и аптека.

„Я уже не ставлю въ числѣ важныхъ для меня причинъ свое собственное нездоровье.

„Просить о переводе именно въ Грязовецъ побуждаетъ меня еще и то обстоятельство, что это ближайший къ Москвѣ городъ Вологодской губерніи и, слѣдовательно, всякое сокращеніе въ пути будетъ для моей жены выигрышемъ въ здоровье.

„Кромѣ того, подлѣ Грязовца есть желѣзные источники и, наконецъ, въ случаѣ нужды, есть всегда возможность обратиться къ помощи вологодскихъ докторовъ.

„Конечно, переводъ въ Вологду бытъ бы для меня самымъ выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ; но, можетъ быть, просьба обѣ этомъ будетъ еще преждевременной.

1) „Изъ далекаго прошлаго“, стр. 195.

„Въ увѣренности, что ваше превосходительство не оставите моей просьбы безъ вниманія, имѣю честь быть“ и т. д.

Одновременно съ этимъ Шелгуновъ пишетъ письмо правителю канцеляріи вологодскаго губернатора Павлу Васильевичу Тишину, относительно котораго было известно, что онъ имѣетъ большое вліяніе на Хоминскаго.

„Милостивый государь

„Павелъ Васильевичъ,

„Согласіе губернатора на переводъ меня изъ Тотъмы въ Устюгъ п скорое по этому предмету распоряженіе я приписываю главнѣйше вашему содѣйствію.

„Въ настоящее время я рѣшаюсь снова утруждать васъ подобной же просьбой.

„Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ вамъ, я прошу губернатора о переводаѣ меня въ Грязовецъ.

„Я не стану докучать вамъ повтореніемъ причинъ, потому что вы ихъ найдете въ письмѣ къ Станиславу Фадѣевичу.

„Прошу васъ покорнѣйше помочь мнѣ еще разъ не только въ согласіи губернатора, но и въ возможно скромѣ офиціальному распоряженіи, чтобы я имѣлъ возможность перѣѣхать до наступленія холодовъ, не рискуя простудить своего сына.

„Я стѣсняюсь просить вашего содѣйствія въ переводѣ меня въ Вологду; но, конечно, это было бы лучшее, на что я могу теперь надѣяться“.

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что Николай Васильевичъ хотя и просилъ о переводѣ его въ Грязовецъ, но въ душѣ, вѣроятно, разсчитывалъ, что его, быть можетъ, переведутъ въ губернскій городъ Вологду, что, конечно, лявлялось для него наиболѣе желательнымъ. Однако, этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться. 15 ноября губернаторъ предписываетъ никольскому исправнику „объявить г. Шелгунову, что такъ какъ городъ Грязовецъ не состоить въ числѣ пунктовъ, назначенныхъ для жительства политическихъ ссыльныхъ, то удовлетвореніе его ходатайства не зависитъ отъ власти губернатора, присовокупивъ, что если онъ желаетъ, то можетъ быть перемѣщенъ мною на его счетъ въ г. Кадниковъ“.

Въ отвѣтъ на это никольскій исправникъ доноситъ губернатору, что „отставной полковникъ Шелгуновъ принимаетъ переводъ его въ г. Кадниковъ съ благодарностью, но при этомъ просить ходатайства о разрѣшеніи ему слѣдовать туда изъ Никольска, для сбереженія расходовъ, безъ конвойщаго, по тому маршруту, который ему будетъ выданъ“. Собщая объ этомъ, исправникъ съ своей стороны заявлялъ, что, по его мнѣнію, ходатайство Шелгунова возможно было бы удовлетворить, „въ

особенности потому, что онъ долженъ будетъ отправиться съ 2-лѣтнимъ сыномъ и женой».

Въ самомъ дѣлѣ, при этихъ условіяхъ, кажется, можно было бы разрѣшить больному человѣку, имѣющему на рукахъ ребенка, проѣхать безъ конвойного изъ Никольска въ Кадниковъ. Но не тутъ-то было!

Губернаторъ пишетъ исправнику, что „переводъ отставного полковника Николая Шелгунова изъ г. Никольска въ г. Кадниковъ безъ конвойного, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ, не можетъ быть допущенъ“. Вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ предписывалъ исправнику „отправить г. Шелгунова на его счетъ въ сопровожденіи полицейского служителя въ г. Кадниковъ къ тамошнему уѣздному исправнику, которому обѣ учрежденія за Шелгуновымъ надзора вмѣстѣ съ симъ дано знать и которому вы не оставите сообщить всѣ имѣющіяся о г. Шелгуновѣ свѣдѣнія“.

19 декабря 1866 года Николай Васильевичъ былъ отправленъ въ Кадниковъ на собственный счетъ въ сопровожденіи полицейского служителя, а „дѣло“ о немъ послано по почтѣ. Губернаторъ, получивъ донесеніе обѣ этомъ никольского исправника, написалъ на поляхъ: „не слѣдуетъ ли увѣдомить министерство?“ Между тѣмъ въ министерствѣ и въ III отдѣленіи шла въ это время усиленная переписка относительно Шелгунова.

Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1866 г. жена Николая Васильевича обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о переводе ея мужа на жительство въ другую губернію въ виду его болѣзнишаго состоянія. Министръ Валуевъ вошелъ по этому поводу съ всеподданѣйшимъ докладомъ къ государю императору, который 13 декабря „Высочайше повелѣть соизволитъ: перевести Шелгунова изъ настоящаго мѣста жительства въ г. Кологривъ, Костромской губерніи, если онъ ножелаетъ воспользоваться этимъ перемѣщеніемъ, съ оставленіемъ его подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ“.

Разумѣется, Шелгуновъ пришелъ въ ужасъ отъ Кологрива, такъ какъ этотъ городъ еще болѣе отдалъ его отъ Петербурга. Поэтому онъ наотрѣзъ отказывается отъ этого перевода, о чёмъ и заявляетъ исправнику. Послѣдній донесъ губернатору, что Шелгуновъ „воспользоваться дозволеннымъ ему перемѣщеніемъ въ г. Кологривъ не можетъ по собственному его нездоровью и по семейнымъ обстоятельствамъ“.

Въ Кадниковъ Шелгуновъ прїѣхалъ больнымъ, съ разбитыми до послѣдней степени нервами. „Я не усталъ, а изнемогъ, — пишетъ онъ женѣ. — Нѣть, уже старъ; хлопоты и движеніе мнѣ не подъ силу. Въ двѣ недѣли едва нашелъ квартиру и то уступилъ самъ жилецъ. Бывали дни, когда я бѣгалъ за квартирой съ утра до 9 часовъ вечера. Описывать все — нужно три печатныхъ листа. Нервы натянулись, какъ струны;

раздражаютъ теперь всякою мелочью; просто адъ. Жду тебя, какъ ангела-успокоителя. Нужно перебѣжать—нѣть кухарки. Новая бѣда“...

Въ то же время его крайне беспокоитъ мысль о томъ, что ихъ могутъ погнать въ Ветлугу, и вотъ онъ пишетъ женѣ: „Узнай отъ столоначальника секретнаго стола, насколько мы можемъ считать свое возвращеніе въ Кадниковъ прочнымъ. Я все боюсь, чтобы не потурили насъ въ Ветлугу“.

По словамъ Л. П. Шелгуновой, съ осени и до января 1867 года она „обила въ Петербургѣ всѣ пороги, бѣзивши хлопотать по дѣламъ о переводѣ Николая Васильевича куда-нибудь въ болѣе благопріятный городъ“. Однако, въ концѣ-концовъ, ничего лучше Ветлуги и Кадникова выхлопотать не удалось.

27 декабря Шелгуновъ снова проситъ жену выяснить въ Петербургѣ вопросъ: „обязательна Ветлуга или нѣть“? „Безуміе оставлять Кадниковъ для Ветлуги,—пишетъ Н. В.—Первый отъ Вологды 42 версты, значитъ доктора рядомъ; вторая отъ Костромы больше 300 верстъ. Значить нужно оставаться въ Кадниковѣ во что бы то ни стало, если невозможно лучшее. Лишь бы не потревожили изъ Петербурга, а вологодскія власти оставлять здѣсь“...

Такимъ образомъ даже за Кадниковъ приходилось трепетать Шелгунову въ его положеніи административнаго ссыльнаго. Недаромъ онъ какъ-то писалъ своей женѣ: „Если бы ты знала, какъ тяжела поднадзорная лямка!...“

VIII.

Въ Кадниковѣ и Вологдѣ.

Наконецъ Л. П. Шелгунова пріѣхала въ Кадниковъ, къ своему „поднадзорному“ мужу. По ея словамъ, ихъ жизнь въ этомъ городѣ „шла спокойно, однообразно и страшно скучно“. Имъ пришлось прожить въ Кадниковѣ около года. „Къ веснѣ, когда еще не стаяль снѣгъ,—читаемъ въ ея воспоминаніяхъ,—къ намъ пріѣхалъ Лавровъ¹⁾ съ своей старушкой матерью“. Конечно, пріѣздъ такого человѣка, какъ Лавровъ, долженъ быть внести живую и свѣжую струю въ жизнь кадниковскихъ изгнаниковъ.

Изъ воспоминаній Л. П. Шелгуновой особенно интересна ея характеристика кадниковскаго уѣзднаго исправника, подъ надзоромъ котораго состоялъ Николай Васильевичъ и во власти котораго оль находился.

„Исправникомъ въ Кадниковѣ,—пишетъ г-жа Шелгунова,—быть че-

¹⁾ П. Л. Лавровъ-Миртовъ, авторъ „Историческихъ писемъ“, впослѣдствіи редакторъ журнала *Впередъ*, издававшагося за границей.

ловѣкъ безъ всякаго образованія, выслужившійся изъ почтальоновъ, и вотъ такой-то человѣкъ долженъ бытъ цензуровать статьи Николая Васильевича передъ отправкой ихъ въ редакцію. Тѣ вечера, въ которые Н. В. ходилъ къ исправнику читать свои статьи, походили на операционные сеансы. Я ждала возвращенія уже совершенно обезсиленного, больного человѣка. Каждая фраза въ статьяхъ казалась исправнику подозрительной, или лучше сказать, что онъ не пропускалъ того, чего не понималъ, а онъ не понималъ очень многаго, и Н. В. часа три объяснялъ ему, что статья эта пойдетъ въ цензуру, и что цензоръ не пропустить ничего мало-мальски подозрительнаго. Такой трехчасовой разговоръ съ почтальономъ могъ уложить и болѣе здороваго, чѣмъ Шелгуновъ, человѣка" (стр. 203).

„Но вдругъ ссыльный страшно поднялся въ глазахъ уѣзднаго общества,—рассказываетъ г-жа Шелгунова,—и случилось это вотъ вслѣдствіе чего". Въ Кадниковъ проѣздомъ остановился князь Суворовъ ¹⁾, занимавшій передъ тѣмъ постъ петербургскаго генераль-губернатора. Всѣ уѣздныя власти, разумѣется, съ трепетомъ явились къ важному петербургскому сановнику, личная близость котораго къ государю Александру II была всѣмъ извѣстна. Шелгуновъ отправился къ князю Суворову „въ видѣ частнаго лица".

„Жена Суворова,—пишетъ г-жа Шелгунова,—была подругой по Смольному монастырю съ моей матерью, и онъ осталась близкими до самой смерти и постоянно видѣлись. Въ ту минуту, какъ Николай Васильевичъ вошелъ въ залъ, гдѣ представлялось уѣздное начальство, и Суворовъ замѣтилъ его, онъ подошелъ къ нему, расцѣловался съ нимъ и, обнявъ его, увѣль въ гостиную, гдѣ и сѣлъ, чтобы хорошенъко поговорить. Послѣ таѣ явно оказаннаго предпочтенія передъ всѣми, акціи Николая Васильевича сильно поднялись, и его почему-то перевели въ губернскій городъ Вологду".

20 іюня 1867 года получилась бумага отъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, который писалъ губернатору, что онъ „призналъ возможнымъ, вслѣдствіе сообщенной ему изъ III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи просьбы состоящаго въ гор. Кадниковъ подъ надзоромъ полиціи отставнаго полковника Шелгунова перевести его на жительство въ гор. Вологду, съ продолженіемъ за нимъ тамъ *полицейскаго надзора*".

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, всегда предписывалось имѣть за Шелгуновыемъ „строгий полицейскій надзоръ". Теперь слово „строгий" исчезаетъ и остается просто „полицейскій надзоръ". Далѣе мы убѣдимся,

¹⁾ По словамъ Л. Ф. Пантелеева у князя Суворова было имѣніе въ Вологодской губерніи.

во-первыхъ, что и въ этой формѣ полицейскій надзоръ въ достаточной степени отравлялъ жизнь человѣка, имѣвшаго несчастіе подвергнуться административной ссылкѣ, а, во-вторыхъ, что эпитетъ „строгій“ вскорѣ спасъ возродился въ офиціальной перепискѣ въ примѣненіи къ Шелгунову.

О жизни Николая Васильевича въ Вологдѣ имѣется свидѣтельство г-жи Шелгуновой, а также двухъ писателей вологжанъ: А. В. Круглова и П. В. Засодимскаго. Необходимо, однако, отмѣтить, что свѣдѣнія, приводимыя обоими только что названными писателями въ своихъ воспоминаніяхъ о Шелгуновѣ, крайне скучны и отрывочны. Такъ, г. Кругловъ отмѣчаетъ только одну черту Николая Васильевича, его доброту и чуткое, отзывчивое отношеніе къ чужой нуждѣ.

„Для характеристики доброты покойного публициста (Н. В. Шелгунова) замѣчу,—пишетъ г. Кругловъ,—что онъ не разъ помогалъ бѣднымъ ученикамъ, содержалъ цѣлую бѣдную семью и буквально спасъ одну девчунку отъ падежія, давши ей возможность пережить двухмѣсячную безработицу. Онъ такъ щедро платилъ за переписку (семьдесятъ пять копеекъ съ листа), что отъ желающихъ не было отбоя“¹). Но о положеніи Шелгунова въ качествѣ политического ссыльного г. Кругловъ не говоритъ ни одного слова.

Другой вологодскій уроженецъ, П. В. Засодимскій въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи въ Вологдѣ П. Л. Лаврова и Н. В. Шелгунова, сообщаетъ, что въ то время, то-есть въ концѣ 60-хъ годовъ, политические ссыльные „въ большинствѣ устраивались сносно, съ мѣстнымъ населеніемъ жили въ ладу, общество уже привыкло къ нимъ, не смотрѣло на нихъ, какъ на лютыхъ злодѣевъ, да и тогдашній губернаторъ, генералъ Хоминскій, не притѣснялъ ихъ. Ссыльные были приняты въ обществѣ; у иныхъ изъ нихъ завязывались здѣсь прочныя дружескія связи, иные поженились здѣсь“²).

Въ частности, относительно Николая Васильевича г. Засодимскій сообщаетъ, что Шелгуновъ, наприм., „нашелъ въ Вологдѣ много искреннихъ друзей и самыхъ горячихъ почитателей и почитательницъ. Онъ былъ желаннымъ гостемъ въ нашихъ лучшихъ домахъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ, почтенномъ семействѣ воинскаго начальника, генерала Э. И. Степанова и друг.“ (стр. 502).

По поводу только что приведенныхъ свѣдѣній г. Засодимскаго о положеніи въ концѣ 60-хъ годовъ политическихъ ссыльныхъ въ Вологод-

¹) *Исторический Вѣстникъ*, 1894 г., статья А. В. Круглова: „Наканунѣ“ стр. 652.

²) „Странничка изъ литературныхъ воспоминаній“, П. В. Засодимскаго. *Исторический Вѣстникъ*, года и мѣсяца не знаю, такъ какъ цитирую по оттиску, полученному мнѣ авторомъ воспоминаній.

ской губерніи, я не могу не замѣтить, что свѣдѣнія эти чрезчуръ грышать явнымъ оптимизмомъ и совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности. Послѣ того, что было сообщено нами въ этомъ очеркѣ о жизни въ ссылкѣ Н. В. Шелгунова, мы думаемъ, что нѣтъ надобности подробно опровергать чрезчуръ оптимистические свѣдѣнія и выводы г. Засодимскаго, явившіеся очевидно благодаря полному незнакомству названнаго автора съ затронутымъ имъ мимоходомъ вопросомъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ изъ Устюга Н. В. упрекалъ знакомую молодую дѣвушку, жившую съ его женой въ Швейцаріи, за то, что она „не хочетъ заглянуть въ душу человѣка, находящагося въ томъ положеніи“, въ которомъ находится онъ въ Вологодской губерніи. И затѣмъ, рядомъ съ этимъ, сообщаетъ, что онъ недавно видѣлъ господина (очевидно, изъ мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ), „который по опыту говоритъ, что въ крѣпости сидѣть легче, чѣмъ быть въ ссылкѣ“... Мы думаемъ, что и г. Засодимскій также „не захотѣлъ заглянуть въ душу“ тѣхъ людей, которые томились въ глухи его родной губерніи.

Л. П. Шелгунова также очень немного сообщаетъ о жизни въ Вологдѣ, гдѣ они съ мужемъ вели свѣтскій образъ жизни и дѣйствительно были знакомы со многими „лучшими домами“. Но „шумное веселье нашей вологодской жизни,—пишетъ г-жа Шелгунова,—въ сущности вовсе не было весельемъ, и Николай Васильевичъ по поводу его очень мѣтко приводилъ стихъ изъ оперы „Аскольдова могила“:

„Отъ тоски мы ихъ поемъ!...“

„Дѣйствительно, многое, очень многое, что не дѣлалось бы на свободѣ, дѣлалось тутъ отъ тоски“.

IX.

„Строгій поліцейскій надзоръ“.

Недолго однако пришлось Шелгуновыимъ спокойно пожить въ Вологдѣ. Не прошло и мѣсяца послѣ переѣзда ихъ въ этотъ городъ, какъ вдругъ возникло „дѣло“, причинившее имъ немало волненій и непріятностей. „До свѣдѣнія губернатора дошло“, что довѣренный крупнаго помѣщика Лихачева, г. Морозовъ, жившій въ Кадниковѣ—„отдалъ въ Вологду шестилѣтнюю дочь свою на воспитаніе находящемуся подъ поліцейскимъ надзоромъ Шелгунову“.

Боже мой, какая бура началась по этому поводу! Необходимо замѣтить, что должностъ губернатора въ это время исправлялъ вице-губернаторъ М. Коніаръ, реакціонныя выходки котораго впослѣдствіи получили немалую извѣстность.

„До свѣдѣнія моего дошло,—пишетъ онъ вологодскому полицеймейстеру,—что у находящагося подъ надзоромъ полиціи въ Вологдѣ г. Шелгунова воспитывается съ недавняго времени шестилѣтняя дочь почетнаго гражданина Морозова, жительствующаго въ г. Кадниковѣ, въ качествѣ повѣреннаго Лихачева и что за воспитаніе назначена Шелгунову годовая плата въ 400 рублей. Такъ какъ Шелгуновъ, находясь за неблагонадежность образа мыслей (!) подъ строгимъ (?) надзоромъ полиціи, не можетъ быть и благонадежнымъ воспитателемъ юношества и что всякое послабленіе ему въ этомъ отношеніи не можетъ быть терпимо, я поручаю вамъ немедленно взять отъ него и представить мнѣ подпиську какъ въ томъ, что онъ обязывается возвратить дочь Морозова ея родителямъ, о принятіи которой мню сдѣлано распоряженіе, такъ и въ томъ, что Шелгуновъ впредь не будетъ заниматься воспитаніемъ юношества и ни въ какомъ случаѣ не будетъ дозволять себѣ такихъ дѣйствій, которыя правительствомъ прямо запрещены лицамъ, находящимся въ его положеніи“.

Въ тотъ же день и. д. губернатора пишетъ кадниковскому исправнику объ ужасномъ преступленіи, совершенному „находящимся подъ полицейскимъ надзоромъ г. Шелгуновымъ“. „Сдѣлавъ нынѣ распоряженіе о воспрещеніи сему послѣднему братъ подъ свое попеченіе и на воспитаніе дѣтей,—писаль губернаторъ,—я предписываю вамъ *обязать подпиською* г. Морозова немедленно взять дочь отъ Шелгунова. Объ исполненіи чего мнѣ донести“.

Разумѣется, Николай Васильевичъ не замедлилъ тотчасъ же разъяснить эту возмутительную и диковинную исторію. Вотъ его объясненіе, данное и. д. вологодскаго полицеймейстера.

„На сдѣланное мнѣ г. правящимъ должность вологодскаго полиціймейстера заявленіе имѣю честь объяснить, что я живу исключительно литературнымъ трудомъ, и воспитаніемъ дѣтей, если бы даже имѣль на то право, заниматься бы не сталъ, считая такое дѣло для себя невыгоднымъ.

„Что же касается до дочери г. Морозова, то ее дѣйствительно *взяла къ себѣ моя жена, не находящаяся подъ надзоромъ полиціи и потому не лишеннаго никакихъ правъ*. О причинахъ, по которымъ г. Морозовъ отдалъ свою дочь моей женѣ, я не считаю удобнымъ говорить въ настоящей подписькѣ и объясненіе ихъ можетъ быть отобрано отъ самого г. Морозова.—Отставной полковникъ Н. Шелгуновъ“.

Внизу приписка: „Подпиську отбиралъ и. д. полиціймейстера приставъ Мироносицкій.—17 августа 1867 года“.

Въ свою очередь кадниковскій исправникъ также спѣшилъ „во исполненіе предписанія г. исправляющаго должностъ начальника Вологодской губерніи“ представить „отзывъ повѣреннаго Лихачева, г. Морозова, объ

отозвалій (!) имъ дочери своей изъ дома находящагося подъ полицейскимъ надзоромъ Шелгунова“. А вотъ и самый „отзывъ“ г. Морозова.

„Господину кадниковскому уѣздному исправнику.

Почетного гражданина Николая Александрова Морозова

Отзывъ.

„Честь имѣю объяснить вашему высокоблагородію, что семилѣтнюю дочь свою находящемуся подъ полицейскимъ надзоромъ Шелгунову на воспитаніе я не отдавалъ, а отдалъ ее для обученія иностраннымъ языкамъ и музыке г-жѣ Шелгуновой, не имѣя въ виду, находится она или нѣть подъ полицейскимъ надзоромъ и не зная, что имѣеть она или не имѣеть права обучать дѣтей. Но получивъ въ Вологдѣ приказъ (!) взять дочь свою, я немедленно требование начальства исполнилъ, взявъ ее отъ г-жи Шелгуновой 17 августа, въ чмъ имѣю честь представить вашему высокоблагородію удостовѣреніе исправляющаго должностъ полиціймейстера пристава Мироносицкаго“.

Наконецъ, 19 августа и. д. полиціймейстера доносить губернатору, что „г. Морозовымъ, находившимся въ г. Вологдѣ, по личному (sic) приказанию вашего превосходительства, дочь его изъ дома г. Шелгунова взята и передана на воспитаніе вдовѣ поручика Надежды Михайловны Камевичъ“.

Такимъ образомъ благодаря энергіи г. Коніара отечество было спасено отъ угрожавшей ему опасности,—хотя и не безъ явного нарушенія основныхъ и элементарныхъ гражданскихъ правъ и г-жи Шелгуновой, и „почетного гражданина“ Морозова. Но развѣ возможно говорить о какихъ-то гражданскихъ правахъ тамъ, гдѣ административная ссылка получила самое широкое примѣненіе?...

X.

Послѣдніе этапы.

Послѣ всего сказаннаго, надѣемся, будуть вполнѣ поняты тѣ усиленія, которыя дѣлалъ Николай Васильевичъ, чтобы освободиться отъ положенія „поднадзорнаго“ или, по крайней мѣрѣ, какъ-нибудь улучшить это положеніе. 23 февраля 1868 года онъ подаетъ губернатору новую докладную записку такого содержанія:

„Позволяю себѣ смѣлость утруждать ваше превосходительство слѣдующею просьбою.

„Мое здоровье, разстроенное еще на службѣ, было окончательно потрясено двадцатимѣсячнымъ одиночнымъ заключеніемъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и послѣдующей ссылкою въ Вологодскую губернію.

„Со временем же перевода меня въ Вологду я чувствую, что мое здоровье слабѣеть съ каждымъ днемъ.

„Я человѣкъ уже не первой молодости, а климатъ Вологодской губерніи далеко не обладаетъ цѣлебными свойствами, чтобы мнѣ не бояться за свое будущее.

„По даже и эти обстоятельства не дали бы мнѣ смѣлости беспокоить ваше превосходительство, если бы во мнѣ не было увѣренности, что своимъ политическимъ поведеніемъ я не далъ вашему превосходительству повода питать на себя хотя тѣнь неудовольствія.

„Нездоровье и понятное желаніе приблизить минуту освобожденія заставляютъ меня искать возможности перевода въ другую, лучшую мѣстность.

„Просятъ о снятіи съ меня полицейского надзора было бы, конечно, преждевременно.

„Но если бы вашему превосходительству было угодно не отказать мнѣ въ своемъ благосклонномъ вниманіи, то я позволилъ бы себѣ смѣлость просить васъ приказать отправить прилагаемыя при семъ письма къ шефу жандармовъ и къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, по назначению, и не отказать мнѣ въ вашемъ ходатайствѣ о переводѣ меня въ г. Ярославль“.

Губернаторъ Хоминскій на этой запискѣ кладетъ резолюцію: „представить“. И дѣйствительно, въ тотъ же день письма Николая Васильевича на имя министра и шефа жандарма губернаторъ отправляетъ „по принадлежности“, при особыхъ представленияхъ, въ которыхъ излагаетъ просьбу Шелгунова о переводѣ его въ Ярославль, въ виду того, что „климатъ города Вологды, лежащаго въ сырой измѣнности, вредно дѣйствуетъ на его разстроенное здоровье“. Въ заключеніе своихъ представлений губернаторъ писалъ какъ министру, такъ и шефу жандармовъ: „Принимая во вниманіе, что полковникъ Шелгуновъ во все время состоянія подъ надзоромъ полиціи велъ себя одобрительно, я со своей стороны полагалъ бы возможнымъ удовлетворить означенную его просьбу“.

Вообще, губернаторъ видимо желалъ исполнить просьбу И. В.—ча; въ этихъ видахъ онъ приложилъ къ своимъ представлениямъ аттестаціи Шелгунова за время его пребыванія въ ссылкѣ. Привожу здѣсь эти аттестаціи безъ всякихъ измѣненій:

За 1865 годъ: „Поведенія хорошаго; вреднаго образа мыслей не обнаруживаетъ ни въ письмахъ, ни въ личныхъ сношеніяхъ“.

За 1866 годъ: „Ведеть жизнь весьма тихую и скромную и потому пользуется въ обществѣ уваженіемъ. Образа мыслей не высказывается. Переписку имѣть только съ ближайшими родными и съ редакціями журналовъ“.

За 1867 годъ: „Поведенія хорошаго; вредныхъ мыслей не обнаруживаетъ; пользуется выгоднымъ общественнымъ мнѣніемъ“.

Но,—увы!—министерство осталось непоколебимымъ: ни лестныя аттестаціи о политическомъ поведеніи Шелгунова, ни свидѣтельства администраціи о вредномъ вліяніи сѣвернаго климата на его расшатанное здоровье—ничто не тронуло министерство и не побудило его удовлетворить болѣе чѣмъ скромное ходатайство.

10 июля 1868 года министерство внутреннихъ дѣлъ извѣстило вологодского губернатора, что „въ виду причинъ, вызвавшихъ высылку состоящаго подъ надзоромъ полиціи въ г. Вологдѣ отставнаго полковника Николая Шелгунова, министерство признаетъ неудобнымъ ходатайствовать о переводѣ его въ г. Ярославль“. Объ этомъ предлагалось губернатору „объявить просителю“. Конечно, это предложеніе было тогда же исполнено. На министерской бумагѣ имѣется подпись Николая Васильевича: „О содержаніи состоящаго предложенія министерства слышалъ. Отставной полковникъ Н. Шелгуновъ“.

Только въ апрѣль 1869 года министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, наконецъ, возможнымъ перевести Шелгунова изъ Вологды въ Калугу „подъ такой же полицейскій надзоръ“. Бумага объ этомъ подписана министромъ генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ и директоромъ „департамента полиціи исполнительной“ Косаговскимъ.

Губернаторъ предлагаетъ полицеймейстеру сдѣлать распоряженія обѣ отправкѣ Н. В. Шелгунова въ г. Калугу „установленнымъ порядкомъ, подъ надлежащимъ присмотромъ“. З мая полицеймейстеръ доноситъ губернатору, что Шелгуновъ „заявилъ прошьбу о пріостановленіи на нѣкоторое время высылкой его въ г. Калугу по домашнимъ обстоятельствамъ“.

Министерство разрѣшило Николаю Васильевичу „переѣздъ въ Калугу безъ сопровожденія конвойныхъ, во вниманіе къ недостаточности средствъ Шелгунова для уплаты конвойнымъ прогонныхъ и кормовыхъ денегъ въ оба пути,— но съ обязательствомъ слѣдовать по назначению прямымъ путемъ, согласно маршруту,— и по прибытии явиться немедленно къ калужскому губернатору“.

Въ Калугѣ Н. В. оставался въ ссылкѣ до 1874 года, когда ему разрѣшено было перѣѣхать въ Новгородъ, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, въ Выборгъ. Тѣмъ не менѣе, однако, все это время онъ продолжалъ состоять подъ надзоромъ полиціи, который, конечно, не могъ не стѣснить его въ сильнѣйшей степени. Кромѣ того, онъ не имѣлъ права жить въ Петербургѣ, куда давно уже влеклись всѣ его симпатіи. Только въ концѣ 70-хъ годовъ онъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе поселиться въ Петербургѣ, чѣмъ, разумѣется, и поспѣшилъ воспользоваться.

Избавившись отъ надзора полиціи, получивъ свободу и возможность

жить въ Петербургѣ, Николай Васильевичъ всецѣло отдается литературной работѣ. Онъ быстро оріентируется среди разнообразныхъ общественныхъ, литературныхъ и политическихъ теченій того времени и сразу занимаетъ позицію, которая вскорѣ же привлекаетъ къ нему сочувственное вниманіе наиболѣе чуткихъ словъ читающей публики.

Освобожденіе подѣствовало на Шелгунова самымъ благотворнымъ образомъ. Онъ видимо воспрянулъ духомъ, что тотчасъ же сказалось на его работѣ: отъ его статей вѣяло бодростью и энергией молодости. Можно было подумать, что всѣ пережитыя имъ испытанія не оставили никакого слѣда въ его душѣ. Но если всѣ эти испытанія, эти долгіе годы ссылки и тюрьмы оказались бессильными сломить его духъ, его энергию, то на его здоровье, на его физическомъ состояніи они оставили, конечно, глубокій, страшный слѣдъ. Читатели, видимо, сознавали это.

И когда смерть грубо оборвала эту полезную жизнь, эту энергическую дѣятельность, — русское общество, русский читатель глубоко почувствовали горькую, тяжелую утрату и тотчасъ же горячо отозвались на нее. Похороны Н. В. Шелгунова, происходившіе въ Петербургѣ 15 апрѣля 1891 года, составили весьма крупное событие общественной жизни. Не одна интеллигентія, не одна молодежь приняли живое участіе въ похоронахъ популярнаго писателя, но и болѣе широкіе слои столичнаго населенія. Петербургскіе рабочіе явились на похороны Николая Васильевича въ большомъ количествѣ; ихъ депутація возложила на гробъ борца-публициста вѣнокъ съ красными лентами и надписью: „Указателю пути къ свободѣ и братству — отъ петербургскихъ рабочихъ“ ¹⁾.

Это было едва ли не первое открытое выступленіе русскихъ рабочихъ на аренѣ общественной жизни. Самыя похороны, какъ известно, приняли характеръ весьма внушительной демонстраціи, имѣвшей, по описанію очевидцевъ, „величественный видъ“. „Громадный, въ нѣсколько сотъ голосовъ хоръ стройно, подъ управлениемъ студента-медика С. Е. Каго, дирижировавшаго студенческой фуражкой, пѣлъ могучее, красивое, концертное „Святый Боже...“ Вѣнки съ развѣвающимися лентами торжественно плыли надъ толпой, какъ побѣдные трофеи, подъ яркими лучами рѣдкаго въ Петербургѣ солнца. Во всей провожавшей

¹⁾ Такъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, В. С. Голубевъ въ своей статьѣ, посвященной памяти Н. В. Шелгунова (*Былое*, 1906 г., № 12). По словамъ другого участника этихъ похоронъ, Е. В. Гешина, рабочіе Путиловскаго завода возложили на гробъ Н. В. вѣнокъ съ черными лентами, такъ какъ „о красныхъ тогда и не мечтали“, съ надписью: „Поборнику демократическихъ идеаловъ“ (*Минувшіе Годы*, 1908 г., № 11 „Шелгуновская демонстрація“). Отсюда можно сдѣлать предположеніе, что рабочими на гробъ Н. В. были возложены два вѣнка.

Шелгунова толпѣ чуялась какая-то сила, открытый вызовъ всеутешавшей реакціи. И толпа эта (было 6—7 тысячъ) медленно, спокойно, подъ громкое, полное силы пѣніе, шла, заполняя собою улицу и тротуары, вызывая удивленіе прохожихъ...“

Изъ рѣчей, которыя были сказаны на могилѣ умершаго писателя, сильное впечатлѣніе произвела на присутствующихъ рѣчь П. В. Засодимскаго, лично знавшаго покойнаго.—„Шелгуновъ умеръ,—Шелгуновъ живъ“,—такими словами начиналась эта рѣчъ,—„живы тѣ идеи, которымъ онъ служилъ всю жизнь и за которыя пострадалъ“... Судя по воспоминаніямъ одного изъ участниковъ похоронъ, впечатлѣніе этой рѣчи на присутствовавшихъ можно было формулировать такъ: „Шелгуновъ умеръ, но его призывъ къ борьбѣ за свѣтлое будущее не умеръ и не умретъ никогда...“

А. Пругавинъ.